



Александра НАРИН

Когда ты в море – уже не страшно

ЗАЛИВ ДЕВОЧЕК



Александра Нарин

Залив девочек

Серия «Навстречу солнцу.
Романы Александры Нарин»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67934537

Залив девочек:

ISBN 978-5-04-172828-1

Аннотация

Александра Нарин – начинающая писательница и уже победительница премии ЛитРес. Все ее книги пропитаны индийским колоритом. Автор прекрасным языком описывает самую настоящую жизнь на фоне трудоб: чувства, переживания, и конечно, любовь.

История ченнайской девушки сплетается с судьбами женщин разных каст в мистическом городе, куда одновременно с Бенгальского залива и из лабиринта переулков идёт катастрофа.

Это жизнеутверждающая история о том, что человек, заботясь о других, способен преодолеть боль одиночества, сотни трудностей, даже когда кажется, что сил и надежды совсем не осталось.

Содержание

Земля	6
Аафрин	6
Грейс	17
Джали	29
Васундхара	38
Аафрин	43
Грейс	52
Джали	74
Васундхара	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Александра Нарин

Залив девочек

© Нарин А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

– Я хочу дочку и Вишну тоже, – сказала Абишика на террасе с колоннами из темного мрамора, где мы завтракали в третий или четвертый раз в то утро.

Вишну, восемь лет ждавший согласия Абишики стать его женой, таинственно кивнул.

– Сейчас все хотят дочерей, девушки теперь независимые! – сказала Абишика торжественно.

Высотное здание биржи осыпало бликами старые кварталы. Автобусы плыли, как рыбы в аквариуме. Под белым небом горного штата проникало друг в друга прошлое и будущее. Тут они и прошли мимо террасы, девочки, девушки, женщины и одна старуха с линялыми глазами. Прошли, задумчивые, и исчезли в проулке за мечетью.

По дороге на юг я видела, как они спят, раскинув руки, на бетоне станций; видела их в камлающем Мадрасе, городе, что пережил немало бедствий. Они говорили со всех сторон, голосами, которые можно трогать. Слова их записывались сразу, там, в зеленоватых отблесках, которые небоскребы роняли на сонное утро.

Только не знаю, найдет ли дравидийская Джульетта зо-

лотой браслет с маленькой луной между спинкой кресла и сиденьем? Этот браслет детского размера все еще лежит в щели.

*На всех улицах вижу дома пустые,
Там, где девочки выросли и исчезли.*

Тишани Доши. «Прогулка после Неруды»

Земля



Аафрин

Наша деревня была проклята, все знали. В ней трава сухая росла, земля потрескалась, как старое лицо. Дома стояли, будто пустые кувшины. Сады стали скорлупой, коричневой и желтой, без всякого сока. Бабушка, соседи, староста – все ждали воду и говорили только про дождь.

А моя мама нарисовала на стене дома лошадь. Она сказала:

– Погляди, Аафрин. Была бы у нас лошадь, ты бы поехала в школу, в деревню, где четыре колодца.

Мама ездила в ту школу. Далеко, в сторону, где закат. Раньше люди жили богато, и их дети учились. Потом перестали учиться, и жизнь стала бедная.

Папа целый день сидел под деревом с другими стариками и ждал дождя. Он увидел лошадь на доме, схватил маму за волосы и потащил по двору.

– Грешница, глупая собака!

Папины друзья, бабушка и дедушка смотрели. Папины друзья сидели под деревом, не шевелясь, чтобы солнце не сожгло. Бабушка толкла зерна для муки, а дедушка лежал под навесом из палок и пыльных мешков. Через дырки навеса на них падало солнце, оставляя полосы на лицах.

Папа не понимал, что мамочка хочет играть. Она хочет рисовать и учиться в школе. Она взяла золу из костра, на котором мы пекли еду, положила ее в горшок такого же цвета, как наш дом и другие дома, – коричневый. Она налила туда немного воды и нарисовала лошадку. У нее не похоже получилось, ноги все в одной стороне и нет хвоста. Я тогда не понимала, а теперь уже знаю: мама так нарисовала, чтобы мне стало весело.

Мы всегда ходили с мамой вдвоем, дома и в поле, на котором урожай сморщился. Мы собирали разные зерна: дикий

рис, семена и листья сорняка самой, еще травы фикаар. Они плохо росли, потому что хотели пить. Мы прижимали руки к земле, к ним приклеивались зерна, которые осыпались. Мы все складывали в тряпку с мамочкой.

Мы ходили далеко на большой колодец, где вода лежала только на самом дне. Там всегда было много людей, они доставали последние капли ведрами на длинной веревке. Мы ходили получать воду из машины, которая приезжала один раз в пять дней. Люди нашей деревни и люди другой деревни – все получали в машине воду.

Мама мне говорила:

– Аафрин, ты моя, а я твоя, мы друг друга навсегда.

Со мной мама улыбалась. Если приходил папа, она сразу – раз, и будто лягушку глотала. Только глаза ее блестели. Они были мокрые всегда, но не от слез, просто в них прятались маленькие колодцы. Но если бабушка или отец говорили на нее плохое, глаза становились сухие, как вся деревня. И если они не прекращали наговаривать про нее, глаза делались раскаленными, как железные щипцы, которыми держат над огнем лепешки.

* * *

Когда папины дочери ушли жить в другие дома к их мужьям, мама стала меня учить так, как будто школа. Она учила потихоньку, пока жарила черные лепешки из семян сор-

няков, горькие, со вкусом поля. Чертила буквы на земле между нами. Мама шептала:

– Каждая буква растет по-своему. Смотри, ина – это цветок, что наклонился под тяжестью дождя, он укрылся лепестком, его листья сильные от воды. Уна – это кобра, иянна как дверь в туалете старосты. Айянна – это коза, у которой вымя на животе и на спине. Ипанна – колодец или дом без крыши, иннанна – джунгли¹.

Я запоминала хорошо, я знала, что эти буквы называются «алфавит». Потом я удивилась, что если буквы сложить, то получатся такие же слова, что мы ртом говорим, только написанные на земле. Я очень обрадовалась, когда через много дней стала составлять слова и сама писать: «бабушка – аайя»². Затем деревня, ночь и другие слова, которые мы стирали рукой, если слышали шаги бабушки. «Мы стираем аайю, а она не исчезает», – и мы смеялись.

Мама стала учить меня еще и цифрам: онру, иранту, мунру. Она бы научила меня всем-всем цифрам, но деревня была проклята, и скоро наши с мамой дела стали плохими.

* * *

Леон обрадовался, когда понял, что я могу написать неко-

¹ Буквы тамильского алфавита: இ (ина), உ (уна), ஈ (иянна), ஐ (айянна), ட (ипанна), ண (иннанна).

² Аайя – бабушка по линии отца (тамильский).

торые слова и мое имя, которое никто не знал.

– Удивительно, – сказал он, – никогда бы не подумал.

Потом крикнул:

– Девочки, а Лучик-то у нас умеет писать!

Он подарил мне голубую тетрадь с красной лисой на обложке, он сказал:

– Можешь писать туда все, что в голову взбредет. Не исключено, что это тебя излечит. А если ты разрешишь мне или кому-то из нас прочесть, может быть, мы узнаем о твоей жизни, почему ты так сильно кричишь ночами.

Леон сказал мне ходить в школу с девочками. На некоторых уроках нас учили другим буквам и словам, а на некоторых— опять маминым буквам. Потому что разные языки. Я писала в тетрадку всеми буквами, которые выучила.

Я писала в тетрадку на улице у забора. Иногда я сидела и смотрела в дыру на двор большого дома и других детей. Иногда дети подходили и говорили. Тогда я сразу писала в тетрадку или уходила.

Вот что я написала на первой странице:

«Наступило утро. Я лежала на циновке с открытыми глазами. К нам пришла папина дочь и сидела просто так. Вдруг мама накинула на меня платок. Мама сказала:

– Аджи маджи ла тараджи.

Мама подняла платок и увидела, что я исчезла. Мама сказала папиной дочери:

– Только что здесь была Аафрин, а теперь исчезла.

Мама закричала:

– Аафрин, Аафрин, где ты?

Я дергала маму за руку. Она не смотрела на меня. Я заорала:

– Ну, мама, перестань! Я здесь! Я здесь!

Она не смотрела. Папина другая дочь хохотала и не смотрела на меня. Я заревела, у меня начался припадок. Почему они меня не замечают? Я взбесилась. А мама кричала что есть мочи:

– Если ты нас видишь, встань под платок!

Я не хотела вставать. Я стала стучать по стене, стена немного осыпалась. Папина дочь нашла меня по звуку. Они накинули на меня платок и сказали:

– Аджи маджи ла тараджи.

И я расколдовалась».

Когда Леон прочитал про это, то сказал:

– Аджи маджи ла тараджи – мое любимое заклинание. Похоже, твоя мама была очень веселой.

* * *

Да, моя мамочка всегда играла. Она была еще маленькая, даже меньше, чем папины дочери. Мама говорила, когда его жена пропала, он пришел в дом к другой бабушке, аммамме³,

³ Аммамма – бабушка по линии матери (*тамильский*).

и маме велели никуда не ходить, особенно в школу. Сказали сидеть дома и ждать свадьбу. Пока готовились к свадьбе, в высохшем колодце за деревней люди нашли мертвую женщину в грязной одежде.

Наша деревня была проклята. Много лет в ней рождались одни девочки. Старые люди говорили, что позабыли, когда в последний раз видели, чтобы у кого-то родился сын. Мужчины были, как мой дедушка или папа, очень старые.

Люди нашей деревни знали, что во всем виноваты ведьмы, шунье. Эти ведьмы съели у мужчин силы. Но люди не понимали, кто на самом деле шунье.

Сначала сказали, что шунье – две женщины из последнего дома. У них в доме мужчина умер от неизвестной болезни. Им остригли волосы и заставили ходить по углям. Я знаю из разговоров, сама не видела – мамочка приказала сидеть дома в тот день. Она шепотом сказала:

– Учитель в школе говорил, что никаких шунье не бывает, науке давно известно. Мы не должны верить в них.

Потом этих женщин прогнали из деревни, а сын старосты стал жить в их доме.

Скоро в деревне появились новые ведьмы, наши ближние соседки. Мы с мамой не поверили, что они колдуют. Мы видели их всегда за работой на маленьком кукурузном поле. Они умели только стирать, подметать, толочь муку. Я не видела, чтоб они умели колдовать. Я бы тогда попросила их наколдовать хотя бы одну курицу, чтобы были яйца, потому

что всегда хотелось поесть. У них жил павлин, он кричал, как маленький младенец, и рыл землю ногами, искал еду. Он не давал яиц.

Мамочка опять сказала мне шепотом:

– Никакие они не шунье, Аафрин. Мужчины в их доме ходили в туалет в посеvy кукурузы. Они думали, что так дадут посевам влагу. Наши соседки просили их поберечь поле, они просто сказали: «Мы растим здесь еду для семьи». Мужчины, видно, захотели их наказать.

С нашими соседками еще хорошо обошлись. Им раскрасили лица, побили на улице веревкой и выгнали из деревни. Но только на десять дней. Когда они вернулись, то стали тихие. Раз после этого соседка пришла к маме. Я слышала, как она шептала:

– Мы живем в одном доме с людьми, которые объявили нас шунье. Я есть не могу от страха. Атай⁴ падает в обморок. Разве это жизнь?

В нашей деревне всем снились яйца змей. Говорили, это значит, что рядом враги, которые пока не могут причинить вреда. «Это снятся шунье, они набирают сил» – так говорили люди.

В нашей деревне устали от засухи и женщин. Когда на грузовике привезли воду и люди встали в очередь с кувшинами, одна старушка бормотала что-то рядом с беременной. Когда через время у той женщины родилась дочка, толпа пришла к

⁴ Атай – обращение к свекрови (*тамильский*).

дому старушки и стала ломать стены. Община кричала, что сожжет дом, если не отдадут ведьму. Тогда вышли сыновья этой старушки. Сыновья пообещали запереть ее в сарае с козой. Может быть, она до сих пор там сидит. Этого я уже не знаю, потому что в то утро, когда мама заколдовала меня, кто-то подсматривал в окно.

* * *

Днем к стенам нашего дома подкинули голову петуха. Вечером пришли от старосты и сказали, что завтра соберется панчайт⁵ и будет испытание. В поле умерли козы, и видели в окно, что мама колдовала, а на панчайте люди проверят, ведьма мама или не ведьма.

Папа опять оттаскал мамочку за волосы по двору и запер в сарае, где в старые времена, по словам бабушки, хранили зерно. Только у сарая были двери, и они закрывались на ключ. У дома, где мы спали, не было двери, только занавеска.

– Аафрин, поищи ключ, – сказала мне мама из сарая строгим голосом, как у взрослой.

Я сидела во дворе и ждала, пока аайя и таата⁶ уснут, каждый в своем углу двора. А папа в тот вечер напился.

Я сходила проверить, что папа пьет в магазине со старостой. В этом магазине у нас продавали только пиво, спички

⁵ Панчайт – совет старейшин.

⁶ Аайя и таата – бабушка и дедушка (тамильский).

и зубную пасту, иногда еще керосин и редко яблоки. Папа говорил, что пиво тухлое, но все равно пил его. Я уже знала, что папа хочет новую жену, которая родила бы мальчика. Потому что у него родились только старшие дочери и еще я.

Я из-за угла посмотрела, как они пьют в магазине. Разговаривают со старостой, а хозяин лавки пишет их долг в тетрадь. Мне было очень страшно. Я вернулась во двор. Мама шептала из-за двери строгим голосом:

– Возьми нож, Аафрин.

У меня спина вспотела. Было очень страшно, но я знала, что если не сделаю, как мама говорит, то ее избьют веревкой и заставят ходить по огню. Моя мамочка еще маленькая.

Леон, когда читал тетрадку, сказал: «Похоже, твоя мама была умней и свободолюбивей людей в деревне. Люди не ожидали, что она не поступит так, как ей говорят. Это потому, что она посещала школу и ничего не боялась. Вот как важно образование». Да, моя мама хитрая, как лиса.

Я взяла ножик и разрешила нитку на шее аайи. Она была слишком старой, чтоб проснуться, и не хитрой. От старости и жарких дней у нее высохла голова.

Я видела в темноте хорошо, немного светила луна. Я открыла сарай, и мы побежали. Только мама сразу вернулась, закрыла замок и бросила ключ высоко через крышу в темноту. Мы не слышали, как он упал. Мы побежали через кукурузные посевы, которые гибли от мочи и жары, дальше в поле.

Земля была твердая, а колосья острые. Мы искололи ноги. Мама сначала брала меня на руки, но она сама была еще маленькая, ее сердце колотилось, а дыхание разрывалось на клочки. Я сказала, что побегу.

– Если мы замедлимся, нам перережут горло, в пустой колодец бросят, – сказала мамочка хрипло.

У нас не было ни еды, ни воды. Мы долго бежали, но от страха ничего не чувствовали. Даже не боялись змей. Один раз мы остановились. Мама оторвала кусок от моей юбки и обмотала наши ноги. Мы пошли быстрее, а бежать уже не могли.

Ночь так сильно шуршала. Она пела сухой травой. Луна ушла куда-то, но мы научились видеть.

– Не бойся, Аафрин, – сказала мама, – родная земля всегда помогает хорошим людям. Нам говорил учитель в школе.

Мы стали такие маленькие с мамой. Ночь лежала огромная, как великан. Мы бежали внутри ее синего живота.

Когда взошло солнце, мы увидели ручей. Он тек по красной земле. Мы жадно напились воды, как щенки. Потом оглянулись и увидели, что над землей от горячего ветра кружатся пыльные дьяволы и вдали шевелятся маленькие люди.

Грейс

Когда я смотрю на цвета ночи, беспокойный голубь бьется в груди: фиолетовый воздух у креста базилики, над городом – бархатный синий, с золотистой каймой возле крыш и мерцающими точками самолетов. Бэй, как расплавленный винил, и сапфировая полоса там, где потух закат. Рисовать, подбирать краски, как поэты подбирают слова – вот чем бы я заполнила свои дни, если бы они мне принадлежали.

Ночные пейзажи текут сквозь меня и смываются, как акварель с ворса кисти. Никогда нет времени на то, что я люблю, это однажды сожжет меня. Эмбрионы набросков лежат на шкафу. Страницы альбома слиплись. Крышки пристыли к тюбикам и банкам. А ведь материал дорого стоит. Рисовать – первое и главное мое желание.

Второе желание: я хочу быстрым шагом идти на пляж Марина. Марина в десяти минутах ходьбы по нашей улице, а я не была там со школы. Я бы гуляла, смотрела на людей, на огни, чье отражение качает и размывает Бэй, я бы ела горячий чанаджоргарам, насыпанный в конус из старых газет. Да, и бабушка умеет делать эту закуску. Она вымачивает и сушит нут, жарит его в огромной сковороде, чтоб хватило на всех, добавляет красный лук. Но это не то, что на пляже, где в еду замешан запах дыма и соленого ветра.

Третье. Я этого никогда никому не скажу, но я хочу, что-

бы у меня был парень. Каждую ночь я представляю, как мы с ним идем по вечерней Марине. Луч маяка упирается в небо. Из передвижных закусочных играет музыка. Бэй весело стучит о берег. Я иду со своим парнем, он любит меня. Он говорит: «Люблю тебя, моя любовь!»

Я так сильно мечтаю о нем, что его теплая тень появляется рядом. Нежная страсть – самая сладкая мечта, в которую я бы влетела, как влетают в утро птицы, что живут на балконах нашей ветхой Башни.

У меня бьется сердце. Я смотрю, как ночь замешивает над базиликой глубокий пурпурный. Такой цвет получается, если соединить черный и розовый. Я ударяю руками по бортику балкона и возвращаюсь в комнату, в мою судьбу.

* * *

Мы не выбрали этой судьбы. Может быть, отец выбрал ее для себя, а заодно и для нас с бабушкой, но скорее судьба пришла сама. Мы не можем отделиться от нее, как не может Иисус, распятый над входом в базилику, сняться с креста и пойти куда ему вздумается.

Стол в комнате завален списками, счетами, гарантийными письмами с просьбами о пожертвовании... «Пожалуйста, уважаемые господа...» Мы знаем, что эти письма всем надоели, их выкидывают в мусор.

– Набирай, я диктую, – говорит отец, не глядя на меня. –

Начали, лекарства. Я называю, а ты ищи дешевую замену.

Мы считаем стоимость лекарств, пока бабушка убирает кухню. Она ходит там и вздыхает. Ее вздохи чересчур частые. Из-за них я понимаю, что бабушка стала старой.

Она шуршит, закрывает раковину газетой на ночь, чтобы без нее никто не пользовался кухней. Утром она первая снимет эту газету, возвестив новый день. Она всегда так делает, показывая, кто здесь хозяйка.

– Папа, еще нужны прокладки, – говорю я. Я уже не стесняюсь говорить о таком, хотя просить для себя я бы стыдилась.

– Приспособьтесь, пожалуйста, – говорит папа, не отрываясь от списка. – Можно использовать, например, тряпки или немного ваты.

Он проводит в воздухе пальцами, поигрывая на невидимом ситаре⁷.

– В школе неудобно, – говорю я очень тихо. Я не смотрю на него, он не смотрит на меня.

– Поищи, может, где-то их бесплатно выдают. Идем дальше. Обувь. Обувь пропустим, шлепанцы пока есть.

Я опускаю глаза. Я знаю, что прокладки раздают время от времени в бедных районах, но мы не имеем к ним отношения. Мы вообще не имеем отношения к чему бы то ни было.

«Католическая каста Маджорды», – называет нас бабушка. Наши предки приняли христианство в этом гоанском по-

⁷ Ситар – струнный музыкальный инструмент.

селке. Но бабушкино название не определяет нас. Оно говорит лишь о вере. Да, вера пронизывает каждый наш день, как нить канву, но еще мы являемся чем-то вроде абстрактного рисунка, за гранью жанра.

Папа ведет меня дальше по списку печали: заколки, трусы, форма, тетрадки, ручки, книги – по одной на всех. Часы на белой стене убегают за полночь. Папа снимает очки, кладет их поверх бумаг.

– Убери тут немного, – кивает он на стол. У него под глазами кожа зеленоватая, как дно лодок или стены хижин на берегу.

Завтра рано утром эта комната наполнится голосами, похожими на птичий щебет. Пока же я слушаю короткую тишину, смотрю ночь, которая лежит прямо на нашем балконе. Темнота уже стала безупречно черной, без примесей. Темнота прячет кошмарное нечто, имя которого знали древние люди. Оно стояло у входа в их пещеры. Мы забыли слово, которым оно называлось, но нечто не исчезло, оно щупает взглядом наш маленький мир.

* * *

«Смотрите на людей и вещи, будто заметили их впервые», – говорит учитель Ганеш. Я вижу в волосах папы тонкие прожилки седины. Вижу, что он еще сильный лев, когда папа идет по лестничной площадке в другую часть квартиры.

Я смотрю в коридор на черные проемы, выходящие во внутренние дворы Башни. Все спят, в окнах кухонь клубится тьма, только Бэй шуршит волнами. Как последняя выжившая в эту ночь, я стою возле стола со стареньким компьютером. Через этот компьютер мы кричим в мир тамильскими и английскими словами, получая в ответ перевозданную тишину. «Пусть он отдохнет», – говорим мы о компьютере как о живом, потому что хотим, чтоб пыльное сердце из проводков и плат продолжало работать.

У балкона сушилка с домашними платьями, форменными юбками, шарфами и лифчиками, спрятанными бабушкой под одежду. Красные пластмассовые стулья у белой стены напоминают капли крови на вате. В моей голове появляется рисунок: девушка в туалете смотрит на свою кровь. Ее саму не видно, только ноги. Я хочу сказать, мне не хочется рисовать откровенность плоти или сцены из Камасутры, нет, только одиночество девушки с ее непокорной природой.

Я бы нарисовала девушку, которой не дозволено входить в комнату для пуджи из-за обычного отторжения эндометрия. Деревенскую девушку, которой нельзя войти даже в кухню. Она думает, ей так сказали, что тело в такие дни выделяет запахи или лучи, которые портят пищу. Она закапывает испачканную тряпку в землю, подальше от дома, чтобы кровь не досталась злым духам. Мы все испытываем смущение и стыд из-за того, что каждый месяц нечистое покидает наши тела. И я, выпускница школы Святого Рафаэля для девочек,

имею только отчаянные мысли на этот счет, наброски рисунков в голове, цикл картин, которые папа наверняка бы сжег.

Чудо, что они с бабушкой разрешили мне заниматься живописью. Тогда сам Господь помог: подсунул папе записку о художниках, которые продают свои картины на Западе за огромные деньги. Правда, скоро наивное очарование той запиской сменилось тревогой: «Ты будешь никем в этом городе, будешь кланяться, умолять, чтоб твои рисунки взяли. Здесь, в Мадрасе, столько художников! Если кому и прищипит украсить дом, так купят дешевые китайские картины. Тут тебе не Европа, где у людей есть время любоваться искусством; здесь, чтобы есть, нужна нормальная работа. Нет, надо переучиться на бухгалтера, пока не стало слишком поздно, ты же понимаешь в счетах». Я молчала и продолжала ездить в колледж изобразительного искусства на Пунамали-роад. «Может, выйдет замуж за богатого человека, – вдруг говорила бабушка. – Тогда еще ничего, пусть рисует». – «О чем ты говоришь, мама? – отвечал ей отец. – Богатому нужна богатая, чтобы укрепить свой капитал».

Но все равно рисованием я занималась урывками – домашние дела сыпались на меня. Тысячи фантазий, тоскующих по бумаге, таяли, не достигая ее.

* * *

Вышло так, что я стала сиротой, и очень скоро, будучи

еще ребенком, я стала матерью, ни разу не рожая, не зная ни одного мужчины.

Детские воспоминания всегда покрыты пленкой, зеленоватой патиной бронзовых статуй. Мама часто уезжала в округ Каньякумари, в городок Калачел. Там жили ее престарелые тетушка и дядюшка. Но что-то мне подсказывает – дело было не в них. Мама, уезжая, каждый раз оговаривалась их старостью. Хотя в округе Каньякумари у них был собственный сын. Почему-то ее отъезды в Башне принимали как должное.

В Колачел она взяла меня только раз. Я помню запах старых людей и вещей в комнатах. Я выходила на улицу. Стены всех домов были побелены, а на крышах лежала бледно-красная черепица. Вдоль улицы был прорыт глубокий канал. Дом тетушки и дядюшки почти висел над этим каналом.

– Не подходи, – говорила тетушка, – там живет Поочанди⁸.

Я очень боялась, но заглядывала в канал. На дне лежали ветки, сухие листья и мусор. Поочанди прятался под ними, как ящерица.

Я запомнила еще плантацию кокоса. Я бегала среди пальм. Солнечные потоки и тени листьев образовывали на земле равномерный узор. Мамин смех блуждал по плантации, становился частью орнамента.

– Осторожно, смотри, чтоб она у тебя не упала в траншею, – звучал мужской голос. Я знаю, что это был не папин

⁸ Поочанди – чудовище, которым пугают детей в индийском штате Тамилнад.

голос, но ничего не помню, только тени, похожие на схватившихся за руки людей, и блики.

– Эти траншеи для изготовления койры, посмотри, – чужой голос вытекал из невидимого горла. – Здесь вымачивают орехи, потом волокна отделяют, расчесывают, как мама расчесывает твои волосы, и сушат. Из них делают нитки, а из ниток циновки, веревки и канаты для кораблей.

– Если ты упадешь в траншею, из твоих кос сделают сеть для рыб, – сказала мама. Мне не нравилось, как она говорила в тот день. Слишком тонко, будто струна или лезвие, не настоящему.

Они говорили про койру, чтоб отвлечь меня, чтоб я забыла что-то другое и помнила только мутную траншею, над которой стоят резные тени. Мы не так уж и долго пробыли тогда в Колачеле. В следующий раз мама уехала без меня.

* * *

Уродливый страх поселился во мне. В те дни бабушка не выходила из кухни, папа занимался бумагами – изо всех сил наша маленькая семья старалась помочь людям. У нас уже жили первые девочки – дочери погибших рыбаков.

И я, и девочки были перепуганы, как зверьки. И я, и они жадно ловили любой звук, вглядывались в женщин, которые пробирались по улице через поваленные ветки и шифер. И я, и они сотрясались от нервного тика, если лицо женщины

или цвет ее сари казались знакомыми. Мы безвольно хватались за решетку балкона, чувствуя черную пустоту внутри рук, пальцев, живота, когда очередная женщина, приближаясь, становилась совсем не похожей на маму.

Мы потихоньку выходили на лестницу, спускались вдоль стен. На первых этажах Башни на ступенях слоем лежали сырые кустарники, сломанная мебель. Водоросли оплетали перила. Я думала, что это ножки морских человечков. Песок и мокрая земля покрывали первый этаж. В решетке лифта застряла кровать. На широкой внутренней террасе, где висят почтовые ящики жильцов, лежала перевернутая кабинка моторикши. Ее желтые бока зияли среди гнилых древесных цветов спутанного разрушения. Я захотела нарисовать моторикшу. Тогда впервые неудержимо во мне загорелось желание рисовать, чтобы избавиться от космического страха, который едва умещался в моем детском теле.

Папа вернулся из округа Каньякумари. Он говорил и говорил как сумасшедший. Хотя в те дни все говорили либо как безумцы, либо как братья.

– Там гораздо хуже, гораздо дряннее, чем у нас, – рассказывал он бабушке. – Первая волна пришла в девять утра, во время завтрака. Через пятнадцать минут вторая волна, а потом и третья. Там же плоская земля, мама. Волны врывались по траншеям кокосовых плантаций, по заброшенным каналам, которыми изрыт город. Как нож в масло, понимаешь? Там же земля совсем не поднимается над морем.

Папа теребил пуговицы на рубашке. Закатывал рукава, раскатывал обратно. Я пыталась остановить стук зубов, на-верное, еще молочных.

– Из-за траншей и каналов город промывало насквозь. Каналы оказались смертельной ловушкой. Там в грязи и слизи – тела. Люди! Волны хлестали через пляжные лавки и чай-ные в эти дренажные каналы. Если бы не эти каналы.

Бабушка молчала, помешивая овощи. Единственным гла-зом, не заплывшим катарактой, бабушка следила за овоща-ми.

– Как же так, мама, ведь Рождество? Она же хотела по-здравить тетюшку, дядю. В доме никого нет, стена рухнула в канал. Там вообще никто ничего не знает. Люди бродят сре-ди обломков, я спрашиваю, они не слышат. Город умер, ма-ма, целый город.

– Нам сейчас о живых надо думать и о твоей дочери, – сказала бабушка.

С того дня с воспоминаний будто разом сошел зеленова-тый налет. Так нашатырным спиртом коллекционеры счища-ют патину с ритуальных ламп. Я стала помнить ясней и чет-че. Но я никак не избавлюсь от душного чувства, будто мама нас обманула.

Я так ждала ее, бросалась на балкон, к окнам. Я спала на полке с ее одеждой, обессилен от слез. На полке пахло ее кожей. Просыпаясь, я путала сон и явь:

– Почему на завтрак идли, мама же сегодня готовила слад-

кий понгал?

– Что ты, девочка, сегодня никто, кроме бабушки, не входил в кухню.

Я забиралась через забор в соседний двор и сильно раскачивалась на качелях, чтобы достигнуть небес.

– Убьешься, кулати⁹, – сказал однажды человек и остановил качели крепкой рукой.

Я умоляла Иисуса забрать меня на небо, где находилась мама. Я равнодушно посещала школу, не понимая, о чем говорит учитель. Классы заполнял бессмысленный гул. Он стоял в ушах по ночам. Я искала мамины черты в чужих, в учителях, в соседях и привязывалась к людям, как уличный щенок, которому дали сахар.

Через год я возненавидела ее за то, что она бросила меня посреди гигантского мира. Потом я поняла, что сама виновата. Я была плохой, если бы я была нормальной дочерью, она не ушла бы. Я начала помогать девочкам, я хотела стать лучше, чтоб она видела: вот сколько во мне доброты. Да и жалко было девочек: у них не осталось ничего.

У меня же была полка с маминым запахом, который с каждым днем растворялся в запахах бабушки и кухни; ее фотографии и украшения, пакет с разноцветными точками бинди в виде маленьких камешков, которые она клеила на лоб. Были комнаты, по которым она плыла то в бледно-зеленом сари с розовой каймой, то в бирюзовом шальваркамизе – самое

⁹ Кулати – малышка (тамильский).

яркое облако в Башне. У меня было кресло, в котором она любила смотреть телевизор. Девочки же не владели предметами, продлевающими жизнь их матерей.

Потом я выросла.

Теперь я думаю, она не утонула во время цунами в округе Каньякумари, а живет где-нибудь на севере с тем человеком, чей голос гулял над кружевом пальмовых теней. Просто мы надоели маме, вот и все.

Джали

Конечно, я помню день, когда Винкей с матушкой, сестрами и их мужьями приехали в наш переулок. Я стирала под уличным краном дедушкины рубахи. Босиком, в широком домашнем платье. Волосы я заколола пластмассовой заколкой со стеклянными рубинами. Это сейчас я так сильно растолстела, что платье то едва налезает, а тогда я была худая, как бездомная кошка. Очень худая я была, просто деревце папай. Винкей подошел и спросил:

– Сестрица, говорят, здесь есть дом с надписью «Шалом»?

Шалом – это христианское слово, не знаю, что оно значит¹⁰. Вроде бы «аминь» или что-то такое. В нашем переулке нет номеров домов, как в новых кварталах. Зачем номера? Мы и так знаем, где кто живет, в какую школу ходят дети и сколько раз в месяц каждый муж отправляется в пивной магазин.

– Да вот же он, – сказала я. Я стирала прямо рядом с этим домом, синим и зеленым, с желтой надписью «Шалом».

Мы посмотрели с Винкей друг на друга, и я поняла, что уже встречала его многие жизни. Оказалось, правда, что это

¹⁰ В Индии проживают еврейские общины (кочинские, маратхские евреи, багдадские евреи, еврей-телугу, небольшая группа ашхеназов, иммигрировавших из Европы во время Второй мировой войны). Еврейские общины не многочисленны, потому героиня не знает значения слова «шолом» (мир), оставленного прежними жильцами на стене дома, считает его христианским.

видно по лицу человека.

Сразу понятно: вот он, а вот я снова встретились в перерождении, даже ждать особенно не пришлось. Я отжала рубашки и понесла их на крышу. Я развешивала их, а сама глядела, как таскают из грузовика в дом вещи в больших клетчатых сумках. Грузовик стоял на другой улице, потому что в наш переулок он бы не поместился. Соседи высыпали на крылечки и крыши, чтобы посмотреть, какие дела, кто приехал. В нашем переулке, если бывает что интересное: отец подерется с сыном или муж с женой поругаются, так все бегут посмотреть.

Семья Винкей набили дом «Шалом» своими вещами, так что самим места почти не осталось. А Винкей вещи-то таскал, а сам смотрел на нашу крышу. Двести или триста раз забывал на моей крыше свои глаза.

Потом он ходил по улице туда-сюда. Один день ходил, второй день ходил, две недели, месяц, целый год. А после предложил мне прогуляться. Предложил, а сам все смотрел на крышу, хотя я-то была уже на земле. Я маме, ясно, не сказала, сестре только. Судха запричитала:

– Как ты не боишься, и не стыдно тебе? Осторожно, ведь он тамидж. Если что-то плохое будет, звони мне на мобильный. Вдруг говорить не сможешь, тогда набери и сбрось, я пойму и буду тебя искать. Я в полицию позвоню, и его семью в тюрьму посадят. Нет, я лучше на женский номер сразу по-

звоню, и ты запиши 1091¹¹.

– Знаю я этот номер!

Очень она за меня боялась. Я сама не знаю, как была такой смелой. Мы встретились и на ото¹² поехали в храм Радхи и Кришны. Я так сильно стеснялась – о-о! А он в телефоне сидел. Мы ехали по нашему району, Раджаджинагару. Я стала говорить:

– Вот моя средняя школа, вот моя школа танцев.

Потом мы приехали к холму Кришны в белые храмы, где священники всем детям в Бангалоре еду готовят и где боги дают благословение людям, к которым пришла любовь. Мы молились в каждом пандале¹³, поднимаясь выше и выше на гору в главный храм. Мы молились, чтобы нам быть счастливыми, чтобы семьи разрешили нам пожениться. Мы вслух про это еще не говорили, но уже молились. В главном храме мы сели на пол и смотрели на высокие потолки, на которых нарисована история Кришны и Радхи. Смотрели так, что потолок закружился, а Радха с Кришной побежали друг за другом по цветочному полю, по лесу, по луне и звездам.

Потом возле храма мы ели кичери в тарелочках из пальмовых листьев, ели самосы, сладкие ладду, ели рашмалай

¹¹ Специальная линия для приема сообщений о преступлениях от женщин, которые по каким-то причинам не хотят обращаться напрямую в полицию (из-за того, что полицейские – мужчины, и другим), на линии работают операторы-женщины.

¹² Ото – сленговое название моторикши.

¹³ Пандал – небольшой храм в индуизме.

пластмассовыми ложками, пили манговый шейк, пили молочный коктейль. Винкей покупал мне все угощения, которые там продавали.

Мы подошли к краю площадки. Высоко! Весь Раджаджинагар видно: новые дома, где квартира стоит, как весь наш переулочек, стеклянные стены биржи, Орион-молл. У подножия этих великанов, во дворах бедных, белье качалось на веревках. Винкей сказал:

– Попрошу, чтоб сестра с мужем сходили к твоей матери, да и поженимся.

Так все было, а потом жизнь началась.

* * *

Вот я живу в доме с названием «Шалом», которое придумали незнакомые люди другой веры. Даже дедушка не помнит, кто они были, откуда пришли. Этот дом долгие времена сдавали в аренду.

Я живу и не знаю, что значит это слово, и даже дедушка не знает.

Кроме меня в доме живут еще двенадцать человек. Мы расселились среди вещей, которые до сих пор не разобраны. Хотя с того дня, как я впервые увидела Винкей в нашем переулке, прошло семь лет.

А куда эти вещи раскладывать?

Дом – это кустик, на котором сидит стая птиц. Винкей,

я и наш Сашу живем внизу, в корнях, сразу у входа. Наш этаж – комнатка и кухня. У нас есть кровать, где мы спим, и Сашу спит в наших ногах. У нас есть холодильник, шкаф, стул и узкая тропинка в кухню. Кухня за занавеской темная, потому что окно в ней выходит на стену соседского дома.

Лестница, под которой у нас душевая, ведет наверх, в комнаты свекрови и сестер Винкей, их мужей и сыновей. Дом не расширяется, как ветки, а комнатушек на втором этаже вон сколько! Они все перепутались друг в друге, отгороженные фанерой. Из них прорастает лесенка на крышу.

К крыше приделана комната-домик, в которой живут дядюшка, младший брат свекрови, и его семья. Мы, как толстые птицы, сидим на маленьком кусте.

Дом моей мамы прямо напротив. Иногда мама передает мне с крыши муку или яйцо. Свекровь не любит, чтоб я ходила к маме. Если я иду к маме, она ссорится со мной.

Я не хочу этого, я не хочу ссор. Я встаю в сумерках до жары и готовлю завтрак и обед на всех. Я провожаю Сашу до кеба, который забирает его в садик, потом местным поездом еду в контору на станцию «Махатма Ганди». Я люблю ходить на работу. Там просторно и светло. В конторе мы смеемся, там есть горничная, она делает нам чай. Мы любим есть сладости – джалеби, педу, мы жуем карандату с орехами. Мы все приходим на работу отдохнуть.

Только наш начальник мрачный, смотрит тяжело и сам серого цвета. Но мы хорошо работаем, и ему нечего нам ска-

зять, а пока его нет, мы опять смеемся и шутим. Мы зовем его Будду Бате – Серое Сукно.

Поздно вечером я возвращаюсь в переулок. Мама смотрит с крыши, что я вернулась, не заболела. Я машу ей с крыльца нашего синего дома – «Шолом». Я варю ужин, и к любимому сериалу свекрови он готов. Мы едим и ложимся спать. Каждый день такой.

* * *

Где я могу отдохнуть в моем доме?

– Аунти, аунти, почитай нам, аунти, – дети, друзья моего Сашу, несут потрепанную книжку. Для них я тетушка, как и остальные соседки.

Дети меня любят, потому что я с ними ласковая. Они заходят, когда хотят, и бегают по лестнице, запускают змея с крыши.

Я читаю им два стишка про то, что маме надо помогать, и про то, что барашек гулял на лугу.

Говорю им:

– Ну-ка выходите на улицу.

А они говорят:

– Почему?

– Я буду спать.

Они выходят и играют вместе с Сашу у самой двери на дороге. Это все равно что в комнате. Они играют, славные.

Я и сама такая была, тоже выросла на этой дороге, в узком коридоре между цветными стенами домов.

– Луковое молоко! Луковое молоко! – кричит торговец. Дети катятся, как горох, чтоб взять пять рупий у мам. Я тоже даю Сашу пять рупий.

Все пьют молоко из кружки торговца, у всех молочные усы. Винкей пьет, и молоко пачкает ему бороду.

Молока недостаточно! Мне нужно покормить Сашу как следует перед дальней поездкой. Я его кормлю из своих рук рисом. Как же он плохо ест! Мой ребенок должен есть лучше.

После еды под телевизор я покрываю его животик, шею и спину пудрой (обычно свекровь это делает, но сейчас она занята сборами). Одеваю его в белые шаровары и желтый камис. В первый раз я отпускаю своего ребенка так далеко, в другой штат. В первый раз за семь лет свекровь уезжает к родне и забирает моего мальчика. Мой ребенок, сын Винкей, тамиджан, его должны увидеть родственники в Ченнае.

Мы идем ко всем соседям, чтобы они попрощались, мы идем в храм. Гомон и гул на улице поднимается, как в птичьем гнезде.

На этой улице, если что-то происходит, так будто в муравейник засунули ветку – все начинают бегать. Мы возвращаемся в дом за большой сумкой, и я вижу, что сандалик Сашу потерялся.

– Где твой туфель? – говорю я.

– Вот он, мама, – он показывает на обутую ножку.

– А второй где? Дети, где его туфель?

– Мы ничего не знаем, аунти.

Сор с дороги мы сметаем под крыльцо, туда же мы льем мыльную воду. Сандалик тоже там плавает. Я его вылавливаю веником. Свекровь меня ругает за то, что ребенок поедет в мокром, простудится ночью. Я и сама чуть не плачу. Я молюсь, чтобы обошлось. Вся улица провожает их до ото на большой дороге. Мы с Винкей и дядюшка едем провожать до самого вагона. Мой сыночек уезжает к родне, я ему машу и машу, поезд давно уже уехал, а я все машу рукой.

* * *

Мы лежали с Винкей, слушали, как курлычет улица, постепенно стихая. В первый раз мы не задевали ногами Сашу, а свекровь не ходила мимо нас то в кухню, то на улицу, то в туалет. Обычно я всегда сижу на кровати и жду, пока она уйдет и наверху заскрипит ее бамбуковая раскладушка. Мне стыдно лежать при ней.

– Давай завтра сварим кастрюлю риса и всех детей на улице покормим, – сказал Винкей.

– Давай, – согласилась я.

Мы сделали вид, что спим. Потому что мы уже отвыкли вот так лежать совсем одни в комнате. Потом он погладил мои волосы. А я, такая глупая, взяла и сказала, что хочу еще

ребенка. Он и говорит:

– Детка, посмотри на наш дом. Где здесь можно разместить даже самого малюсенького ребенка?

Фонарь так хорошо светил через приоткрытую дверь в улицу. Его лучи мерцали на лице Мариамман, которую Винкей привез из Тамилнада. Она подогнула ногу на троне, в свете фонаря переливалось красное одеяние, разрисованное позолотой. На самом деле это наша богиня Кали, просто ее так зовут на юге. Винкей говорил, что ее имя на тамильском – мать дождя.

Фонарь светил на баулы, не распакованные много лет, на холодильник, который торчит возле нашей кровати. Я заплакала, потому что очень хотела еще одного ребенка. Винкей сел на кровати, покачал головой, оделся и ушел. Скорей всего в магазин – выпить немного. Вот такая я глупая, испортила весь вечер. Он на меня разозлился, а я все равно его очень люблю.

Еще я подговорю Сашу, чтоб он вслух молился на весь дом и просил у Мариаманн брата или сестру.

Васундхара

Мое отражение колеблется и распадается в воде таза. Я мою ноги мужу. Незачем мыть его ноги каждый раз, без того они чистые. Где он мог их запачкать? В этот дом и былинка не просочится.

Вдоль стен разложена черная речная галька. Каждый священный камень я протираю дважды в день. Шелковым платком я смахиваю пыль с книг и с толстой тетради, в которую по приказу моего мужа записываю имена и прошлое браминов хойсала, карнатских браминов.

– Держи шторы закрытыми, – говорит мой муж. – Если солнце попадет на страницы, оно выжжет буквы.

В нашем доме серый воздух. Окна завешены тяжелой тканью. Когда глаза устают от мрака, я смотрю на улицу, чуть отодвинув занавеску с вышитыми темными листьями. Я думаю, что история благородных семейств браминов хойсала никому не нужна. За стенами течет другое время. Девушки ездят на мотоциклах, дети звонят по телефону прямо с дороги. Только моя жизнь медленно тлеет в старом доме в глубине Маллешварама. Я постарела и поблекла здесь. Мне некуда отнести мою судьбу. Родители, устроившие этот брак, давно ушли с дымом погребального костра. Здесь, в темном доме, я потеряла дочерей. Я и саму себя потеряла в этом доме.

Я мою ноги мужу, пена покрывает древесную кожу, дро-

жит на белых волосах. Я слушаю, как он говорит шершавым голосом:

– Брамины всегда вникали в дела государства. Во времена англичан брамины были первыми, кто получал должности министров. Ты помыла миндаль, высушила?

Я киваю. Каждый день он говорит одно разными словами.

– Сегодня брамины как евреи в Германии в тридцатых годах. Брамины виноваты во всех смертных грехах, брамины козлы отпущения. Хотя теперь мы не богаты и совсем лишены могущества. Люди династии хойсала правили в Карнатаке три века. А в наши дни, посчитай, сколько хойсала – лишь нищие священники, зарабатывающие на свадьбах бедняков. У нас нет льгот и квот, у нас нет привилегий. И все равно брамины – источник бед. Все избивают браминов, все ненавидят браминов. А кто сохранил им знания о Ведах, Упанишадах, Брахма-сутрах, Бхагават-гите после тысячи лет правления исламских захватчиков и прихода англичан? Кто не дает санскриту умереть, поддерживая его, как слабый огонь? Брамины – это звенья между сегодняшними людьми и древней цивилизацией.

* * *

Когда он договорит, мы станем читать мантры возле священной гальки. Благовоний мы не зажжем. Мой муж боится искры – вдруг попадет на книги. Он не любит пряных за-

пахов. Лучший аромат для него – это запах камня, то есть ничего.

После молитвы он съест яблоко, миндаль, выпьет стакан молока. Оденет старую, но чистую одежду. Войдет в переулок, закрываясь зонтом от солнца, как женщина. Он поедет поездом на станцию «Махатма Ганди». Его приняли в одну контору сначала для того, чтоб встречать почетных гостей, важных заказчиков, ведь только брамины могут заниматься этим. Потом он продвинулся по службе. Я слышала, стал начальником какого-то отдела.

Я не знаю, как там, на станции «Ганди» теперь. Раз я осмелилась и спросила доставщика еды, не был ли он в тех кварталах. Он ответил:

– Там дома уходят в небо, стены их отражают город и людей, как зеркала.

Больше мне никто ничего не рассказывал.

Иногда к мужу приходят люди, чтобы обсудить дела в Маллешвараме. Я стою на лестнице и слушаю. Они говорят, что теперь в наших улицах селятся далиты¹⁴ и невегетарианцы; мусульмане копят воздух кебабом. Муж и его знакомые злятся. В прежние времена в Маллешвараме жили только брамины хойсала и брали в жены девушек из семей браминов. «Чужие здесь не слонялись, и дороги были чисты» – так говорят знакомые моего мужа, такие же, как он, безумцы.

¹⁴ Далиты – общее название для низших неприкасаемых каст.

Я не говорю с ними, они не говорят со мной. Мне нечем поддержать их беседу. Мне нравится, что разные люди ходят мимо окон.

Уже много лет я веду разговоры лишь с черной галькой, мерцающей по ночам. Луна приходит в дом, пока я открываю окна, чтобы ночной воздух освежил страницы книг и не позволил им стать сырыми. Тогда луна скользит по старым шкафам, по половику, низкому столику – из моего приданого, на котором аккуратно разложены черновики и книги. Пройдя комнатой, луна опускается за темную стену дома напротив.

Я мою ноги мужу как два предмета, не замечаю ни мыла, ни самого мужа. Я смотрю на себя в воду и вижу: лицо мое увяло, как цветок, который вырвали с корнем и забыли у черного хода. Шесть раз мне вызывали роды раньше срока, и дети мои умирали.

– Васундхара, – говорит мой муж, – мы должны вписать наши имена в книгу рода хойсала. Мы должны дожждаться рождения сына.

Ему все равно, что от бесконечных убийств чрево мое стало мертвым, как пустыня. Сердце – безжизненная галька. Мой муж – безумец, он не остановится ни перед чем, лишь бы вписать свое имя в проклятую книгу.

Он встает на полотенце, как ребенок. Я думаю, что нужно варить рис. Я должна семь раз тщательно промыть его в проточной воде. Это будет обед. Я есть не стану, я есть не могу с тех пор, как в нашем доме появилась плохая тайна,

хуже черной болезни.

Аафрин

Точки на горизонте становились папой и мужчинами нашей деревни. Они шли далеко и были старыми. Но не такими уж старыми, чтоб у них не хватило сил бросить нас в колодец. Сердце снова защемило от страха. Некуда было бежать, за ручьем стояли редкие сухие деревья.

– Пригнемся и пойдем по ручью, – прошептала мама. Ее лицо стало цвета сухой земли, желтым и серым.

Камыши в ручье прятали нас, и я говорила им в голове: «Ради Аллаха, камыши, не показывайте нас». Ноги тонули в иле и глине, тряпки на ногах мешали. Ноги превратились в шары грязи, мне хотелось плакать и орать от того, как медленно мы шевелимся. В просветы было видно, что папа, староста и все идут. У них появились руки и головы. А ручей не уводил от них. Ручей тек, куда ему надо, а не куда надо нам.

Мы едва переставляли ноги, умирая от страха. Запинались о камни, ил. Стало глубоко. Я упала и промокла, юбка налипла и не давала идти. Я заплакала без звука: «Скоро они придут и растерзают нас, мы не убежим, мы грязные, мокрые».

– Притворимся, что мы умерли, – вдруг прошептала мама.

Мама сняла наши платки и бросила на берег. Потом взяла камень и ударила по своей руке. Кровью она обрызгала наши платки. Мне так жалко маму, когда я вспоминаю об этом. Мы

пробрались назад, где ручей был узким, в заросли камышей.

Папа и люди деревни шли к ручью.

– Им сейчас рассвет в глаза светит, они нас не видят, – прошептала мамочка. – Они еще далеко.

Мы молились Аллаху и Матери дождя, чтоб они свернули. В зарослях камыша мы легли без сил.

Мы боялись, что птицы, вспорхнув, выдадут нас. Но птицы не шелохнулись, им так Аллах сказал. Мама положила на нас камыш. Мы лежали в грязи и иле, сердце стучало о воду. В ушах билась кровь.

Скоро мы слышали, как они говорят. Я дышала как рыба. Вдруг кто-то крикнул – нашли наши платки. Голоса покатались в ту сторону.

– Не трогай ведьмины тряпки, – сказал староста. – Их забрали демоны.

Они ходили по берегу, и голоса рокотали, как гроза. У нас не было воздуха. Я думала, они никогда не уйдут, будут искать нас мертвых. Они долго ходили, перешли ручей, ходили по тому берегу. Я думала, что скоро нас найдут и сделают мертвыми. Вдруг они развернулись и пошли обратно в деревню.

Мы лежали в воде до самой ночи. Что-то тихо хрустело, и кричали цикады. Нам казалось, мужчины вернуться, их голоса летают по сухим полям. Глубокой ночью мы забрали с берега платки, отвязали от ног мокрые тряпки и прополоскали в воде. Мы перешли ручей и бежали дальше и дальше.

Было уже меньше страха, я подумала, что моя мама настоящая лисичка.

* * *

Моя голова помутнела, и мама стала слабая. Мы громко дышали, будто в горло нам тряпок набили. Я думала, что мама знает, в какую сторону идти, ведь она училась в школе. Но скоро я догадалась, что она ничего не знает. Я боялась, что мы запутаемся и выйдем обратно в нашу деревню. Я знала, что если папа так разозлился из-за нарисованной лошади, то теперь он скажет, чтоб община убила нас. Какой ему толк от нас? У него и так вон сколько дочерей.

Мы шли так долго. Ноги трогали горячую землю, сухая трава шуршала.

– У, как будто смерть шуршит, – прошептала мама не мне, а куда-то в поле.

Мы шагали много дней. Даже дикого самая не росло. Мы и в деревне были худыми, а пока мы блуждали по земле, наши руки и ноги стали совсем тонкими. У мамы между юбкой и блузкой, там, где раньше был маленький коричневый живот, оказался провал.

– Если не выйдем к людям, то умрем, – сказала мама опять в поле. Голос у нее стал взрослый.

У меня болела голова, руки дрожали, в глазах летали осы. Я уже не помню, как мы пришли в ту деревню, вела ли туда

дорога. Возле деревни стояли каменные змеи. Было утро или день, потому что дети учились в школе. Мама заглянула в окно и вскрикнула:

– Ади кадавулаэ¹⁵, кобры!

Я была слишком слабая, чтобы дотянуться до окошка. Я села на землю и вдруг увидела, что на дороге извивается огромная змея. Я закричала, как будто кто-то дал мне силы. Из домика рядом вышла девочка, подбежала и подхватила змею.

– Апу, иди сюда, – сказала эта девочка змее. – Это наш Апу, он всегда уползает.

Из двери вышла мама девочки, она подхватила змею и отпустила внутри дома. Змея соскользнула с рук в щель под пол. Моя мамочка заплакала и стала говорить:

– Сестра, не найдется ли у тебя хлеба или яблока для моей дочери? Я могу постирать твои вещи, сестра, или могу помыть твой дом.

– Мы попали в беду, аттай¹⁶, – вдруг сказал мой рот.

А потом мы жили у этой женщины. Она давала нам молоко. Мы сидели у нее в доме и спали, а в деревянных сваях, что держат крышу, жили змеи. У всех детей в той деревне были кобры, их кормили яйцами или маленькими цыплятами. Дети играли с ними, как со щенками, и звали их, как зо-

¹⁵ Ади кадавулаэ – тамильское выражение, подчеркивающее восклицание, вроде: «О мой бог!»

¹⁶ Аттай – тетушка (*тамильский*).

вут щенков или котят: Моу, Тамби, Ганчу, Амму. И еще по-разному.

В той деревне тоже случилась засуха, но не такая, как в нашей. У них жили курицы, много коз, были огороды с овощами. Особенно много росло змеиной тыквы и бамии¹⁷, похожих на кобр.

– В нашей земле нет такой страшной засухи, как всюду. Потому что змеи берегут ее. Змеи – это боги, что пришли защитить людей деревни. Мы даем им лучшее, что у нас есть.

Муж аттай, у которой мы жили, работал в городе. Когда мы набрались сил, чтоб идти дальше, аттай сказала, чтоб мы шли в город работать на швейную фабрику. Она дала нам воду, хлеб, вареные яйца, и мы ушли.

* * *

Земля скрежетала вокруг от засухи. Мы не знали, ищут нас или забыли, далеко ли дом. Мы хотели к себе домой, к огоньку во дворе, к циновкам у стены под окошком, но не могли туда вернуться.

Мы пришли в деревню, где все дома сделаны из тряпок. У нас закончилась еда, и мама захотела идти в эту тряпичную деревню. Но она оказалась пустой. Было слышно, как шелестят в тишине ткани, лоскуты. За деревней оказалось сухое

¹⁷ Змеиная тыква – лиана с продолговатыми плодами, принимающими причудливые формы, бамия – растение с плодами, похожими на стручки перца.

поле. В нем среди желтых редких травинок сидели женщины и смотрели на землю вокруг себя. Водили руками по земле. Я думала, они что-то потеряли.

– Здравствуйте, сестры, – сказала мама, – не найдется ли у вас яблочка для моей дочери? Я могу постирать вашу одежду или сделать другую работу.

Одна женщина дала нам воды и немного хлеба.

– Помоги нам искать камни, – сказали женщины. – В прежние времена дожди вымывали почву и пыль. Теперь мы сами должны просеять это поле.

У женщин были корзинки и сита, которыми они просеивали поле. Мы же стали ворошить землю руками.

– Мужчины ищут камни ниже, у ручья, – сказали женщины, которые работали рядом. – Мы ищем здесь.

– У нас осталось десять дней, чтоб перебрать землю на этом поле.

– Через десять дней поле заберут, огородят, машинами будут искать камни.

Поле было такое большое, а женщин совсем мало.

– Нам нужны руки, твоя девочка пусть работает. Мы дадим вам еду. Если найдете камни, мы дадим вам денег.

Мы жили с этими людьми. Пока светило солнце, мы просеивали поле. Пыль летела в глаза, и солнце не давало хорошо видеть. Глаза плакали, хотя я не была грустной, и мне нравилось искать камни. Ночью мы возвращались в деревню из тряпок. С ручья шли мужчины, их одежда была в корке

из глины. Говорили, что на ручье работа тяжелей.

Если кто-то находил камни, то их забирали акка и анна¹⁸. Их все слушались.

Вечером мы ели. Обычно все молчали, потому что уставали. Один раз люди пели песни. Это было в день Понгал. Мама говорила, раньше его праздновали в нашей деревне. Украшали коровам рога, варили рис в сладком молоке. Варили на улице у дома старосты, чтобы бог Сурья пришел и благословил всю еду. А до того, как продали быков, проводили бычьи скачки, мужчины старались запрыгнуть на быка. У них плохо получалось: они уже начали стариться.

Это было, когда моя мама еще ходила в школу. Когда я начала жить, Понгал перестали справлять, для Сурьи ничего не находилось. Он и не хотел к нам идти.

В тряпичной деревне у людей было мало сил праздновать Понгал. До прихода машин оставалось две ночи. Но в тот вечер грязные от глины люди пели:

– Понгало Понгал
Тхай Понгал,
Понгало Понгал
Мату Понгал¹⁹.

Мама тоже пела, и я. В нашей деревне раньше такая же

¹⁸ Акка и анна – старшая сестра, старший брат, уважительное обращение (*тамильский*).

¹⁹ Песня на праздник урожая, Понгал.

была песня, как в тряпичной деревне. Все были добрые, мама гладила мне волосы. Мне было так хорошо, что я заснула на теплой земле у костра. Мне казалось, что я превратилась в землю, так много я ее сеяла и трогала руками.

* * *

Мама так и не нашла даже осколка, а я нашла сразу два камня. Один прозрачный, а другой желтый. Желтый походил на твердый мед, который однажды продавали незнакомые люди в нашей деревне. Его хотелось сгрызть, но он оказался острым и сильно поранил мне губу. Я долго облизывалась от крови.

Все камни на поле были как стекло, поэтому я отдала старшей сестре только прозрачный камень, а желтый спрятала у себя в юбке. В том месте, где резинка держит юбку и завязывается, есть дырка, туда я протолкнула камешек.

Потом люди стали собирать тряпичные дома. Там, где они стояли, остались следы, как будто на землю кто-то надавил. Остались зола, лоскутки, палки.

– Мы уходим в свою деревню, – сказала akka маме, – возьми деньги за камень. Спрячь их хорошо в разных местах, часть положи девочке.

– Бог благословит тебя, старшая сестра! Мы пойдем в город работать на швейную фабрику.

– Иди подальше от больших дорог. Там молодая женщина

может попасть в плохую беду. – Акка покачала головой. – Когда придешь в город, говори только со старыми людьми. Пусть они скажут тебе, где фабрика. В городе спрашивай много раз, чтобы тебя не обманули. Не показывай им свои деньги, а если захочешь купить чаю, заранее достань немного денег в стороне.

Так сказала акка, и все ушли. Мы еще долго сидели в пустом поле и смотрели: люди идут, катят свои тележки, полные тряпок. Мы смотрели и смотрели, пока люди не стали маленькими, как богомолы.

Грейс

Любовь родилась в бедрах ночью, когда из всех цветов тек черный аромат. Я встала на рассвете, смотрела на перламутровый Бэй, на неподвижные лодки, темные силуэты грузовиков вдоль пляжа. На проводах спали маленькие голуби, что умеют смеяться и кричать как петухи. Любовь наполнила воздух мучительным наслаждением, разливала золотистое масло по краю неба. Я еще не знала своего любимого, но уже любила его.

Бабушка и наша горничная Чарита стучали посудой в кухне. Я обмотала волосы платком и пошла к ним.

Кухня напоминала картины Санджая Бхаттачарьи, полные гипнотических деталей, пара, света и теней. Чарита с блестящим от пота лицом держала щипцами лепешки над газом, они раздувались от горячего воздуха, становились пышными. В седых волосах на висках бабушки скопилась испарина. Бабушка жарила требуху с луком в огромной сковороде. Внутренности кур отдавали трупобой Ноччикупам, где Чарита брала их у торговца.

Бабушка посмотрела на меня единственным глазом. Второй, голубовато-белый, лежал мертвым под прикрытым веком. Из-за этого глаза лицо бабушки всегда казалось строгим и мученическим.

– Порежь овощи, свари лапшу и яйца.

Я поставила чаны с водой, достала сорок упаковок лапши. Осторожно одно за другим погрузила в воду тридцать пять яиц – как сварятся, нужно разрезать пополам, чтоб казалось больше. Мне снова, как ночью, стало страшно из-за того, что продуктов так мало и наш мир убывает.

Я вытянулась над платформой для готовки еды, чтоб взглянуть на небо через решетку окна: оно уже засияло над квадратом глубокого двора-колодца, куда смотрели все кухни Башни. Некоторые женщины стояли у плит, но большинство кухонь были еще пусты, хозяйки спали, а служанки не пришли. Я снова вспомнила, что у меня теперь есть любовь, она везде. Ей тесно во дворе-колодце, она вспорхнула и летит.

Я чистила яйца, обжигаясь, слышала шаги папы. Папа включил радио, и оно затрещало, заговорило о выборах в корпорацию²⁰. «Только проснешься, начинается политика», – подумала я вскользь. В уши приливом ударили голоса девочек. Они поднимались на завтрак.

* * *

У нас не было квартиры, в которой мы могли бы жить все

²⁰ Ченнаем управляет Большая корпорация (бывшая «Корпорация Мадрас»), основанная в 1688 году. Это самая старая из сохранившихся муниципальных корпораций в Индии и вторая самая старая в мире. Корпорацию возглавляет мэр. Мэр и советники города избираются населением путем всеобщего голосования.

вместе. Только рассыпанные по Башне комнаты, перемешанные с квартирами соседей, как лук с нутом. Я спала в закутке возле кухни и гостиной.

В гостиной мы ели, молились, сушили вещи, из нее выбегали на балкон посмотреть, что происходит на улице Сант-хомхай. Мы никогда не закрывали эту гостиную, она была продолжением общего коридора.

В конце коридора, как в другом квартале, ютились папина и бабушкина спальни и еще комнатка с деревянной мебелью, укрытой вязаными накидками, маминым резным креслом с истертой от времени клетчатой подкладкой, телевизором, по которому стучали, чтоб он заработал. В узкое окно той комнаты печальными глазами смотрела трущоба Ноччичупам.

Я привыкла к Башне и не знала другого дома, хотя она стенами цвета сухой крови напоминала темную гору с пробитыми внутри пещерами. Внутри комнат-пещер ужас кое-как прикрывался уютом человеческих вещей: ламп, покрывал, календарей с водопадами.

Кто-то еще кроме людей обитал в широких коридорах, в лифте с решеткой, на которой дрожали от сквозняка клочья паутины. Механизмы в шахте скрипели даже ночью. Этот лифт никогда не приходил на нужный этаж.

В детстве мне часто виделось, что соседи меняют лица, меня пугали внутренние дворы с мутными окнами кухонь, особенно когда с Бэя шла непогода. В эти дворы невозможно

было войти, только если вылезти из окна, и я не понимала, для чего и для кого они построены. На дне их копился мусор, как в канале возле дома тетушки в Калачале.

Маленькой я слушала, как кто-то лазит в пространстве между стен, во всех ходах, вентиляциях, которыми прошита Башня. Хотя рядом жили папа, бабушка, девочки, я была жалкой перед миром, слабее пыли. Мир даже днем подходил к самому моему уху сгустком кошмара.

* * *

Девочки жили этажом ниже нашего в комнате, разгороженной шкафом. Поднимаясь, они ворковали, как голубицы. Мои сестры, мои дочери.

Хотя, возможно, я думаю о них так сейчас из-за тоски по тем дням. Тогда я не думала ничего. Протирала подносы, резала яйца. Через пару часов я должна была снова встать к плите, чтобы варить обед.

Мои девочки, лохматые и не прибранные, возились на полу, смеялись и кушали. Вся комната походила на коробку со щенками, которым не интересно лежать на лоскутной подстилке. Но все замирали, когда папа складывал руки у груди. Губы детей повторяли за папой. Только самая маленькая, Бисеринка, возилась и ползала, как улитка, оставляя за собой влажный след.

В утро, когда ко мне пришла любовь, папа выбрал ту же

молитву, что и я, проснувшись. Слова ее придумали монахи, которые везли по морю к южноиндийским берегам Благую весть. Монахи заблудились в водовороте бури, метались среди исполинских волн, как в бушующем лесу. Они стали молиться Матери Божьей, и внезапный таинственный свет привел их к земле.

– Владычица света, рассеивающая тьму, просим твоей помощи в нашей нужде. Звезда морей, чей маяк спасает тех, кого швыряет буря жизни, даруй нам свое утешение, – произносили мы хором. Я сидела в углу, сжимая поднос пальцами со сломанными ногтями. Сейчас я думаю, мы читали эту молитву не для Бога, а друг для друга. Мы произносили слова вместе, соединяя наши души.

– Аминь, – говорил отец голосом епископа.

– Аминь, – говорили девочки.

Ела я мало, смотрела, как они едят, будут ли сыты перед школой.

* * *

Исподтишка глядела на всех Крупинка, миловидная девочка с длинными, до колен, волосами, ясно – она уже что-то сотворила. Может быть, переменила тетради в сумках у подруг, связала лямки школьных юбок, насыпала муравьев в коробку с заколками. Один раз она засунула живую рыбу в портфель к одной из Двух Хлебов. Крупинку младенцем

мать бросила в водосток. Она застряла в ветках и траве, что скопились по течению. Соседка услышала плач, выловила ее из плотины, отнесла к нам.

Два Хлеба уплетали с одного подноса руками, занося еду в рот друг другу, как двухголовое многорукое существо. Отец не хотел их забирать, они были два недозрелых птенца с голой желтоватой кожей. Он не верил, что они выживут, невесомые, словно лепешки. Отец не хотел их забирать, ведь их мать жива. Но она приносила близнецов к нам снова и снова, каждый день. «Хватит, возьми их, – сказала тогда бабушка. – Господь нас не оставит». Мы отвезли близнецов в частный госпиталь, там они долго лежали в пластиковых ящиках с приклеенными на пластырь трубками в носу. Смерть склонилась над их колыбелью, гладила их по головкам. Они смотрели на смерть и набирали сил из всего, что кружилось вокруг. Они пили силы из мимолетных взглядов медсестер, воздуха, солнечных лучей. Потом дома мы выхаживали их на козьем молоке с рынка. Та женщина, их мать, жила где-то рядом, в прибрежных трущобах. Я встречала ее в лавках с другими детьми. Она всегда смотрела сквозь меня, шумно и быстро покупала муку или рис, исчезала в потоке улицы. Она не приходила навещать близнецов.

Шелкопряд ела так же ловко и жадно, как остальные, хотя ее ручке недоставало трех пальцев, потерянных на фабрике. Ее и Лучика в разные дни привезли нам из Канчипурама, где дети ткут лучшее во всем мире сари.

В новенькой Лучике была тишина дневного света. Она могла весь день просидеть за тама­риндами у забора. Мы ду­мали, Лучик немая, но по ночам она кричала, звала навзрыд маму, будила других детей.

Зернышко неловко водила лепешкой по тарелке, она ни­чего не видела и не ходила в школу. Мы включали ей записы разных уроков на компьютере. Врач сказал, что она не чув­ствует даже свет. Это роднило ее с бабушкой, медленно те­ряющей зрение. Зернышко привели к нам с улицы, где она просила подаяние и пела. Она долго боялась взрослых до су­дорог, которые электричеством пронзали маленькое нездо­ровое тельце. В ней не было ни детской очаровательности, ни живости, которая делает даже некрасивых детей мило­ми. Только голос, случайно спря­танный в неказистое соеди­нении косточек и кожи цвета корицы. Вечерами, когда уро­ки были приготовлены, девочки сдвигали свои матрасы по­лукругом, как в театре, и слушали ее песни. Она хорошо за­поминала любые песни даже на чужих языках, подражала го­лосам артистов.

Будто на что-то новое, Песчинка смотрела на птиц, ко­торые ждали крошек на перилах балкона. Песчинку украли у настоящих родителей. Бандиты из агентства передали ее в усыновление иностранцам за хорошие деньги. Когда Пес­чинка заговорила на английском и смогла рассказать прием­ным родителям правду, они подумали и вернули ее к нам, в родную страну. Несмотря на свои расходы, год, потрачен-

ный на оформление бумаг, они хотели, чтоб девочка жила с настоящей мамой. Временно ее поместили к нам. Они поступили хорошо, но мы не смогли найти ее семью. Песчинка ничего не помнила, даже не знала, из какого она штата, как называлась ее деревня. Знала только большое дерево, внутри которого жила красная богиня.

Пылинку я сама нашла в автобусе. Она ходила вдоль сидений, часто-часто подносила ко рту сжатые в щепотку пальцы. Некоторые люди давали ей несколько монет, другие кричали: «Эй, отстань от меня!», «Уйди, от тебя несет испражнением козы». Собранные в автобусах и пригородных поездах деньги она отдавала главарю уличной шайки бездомных детей (дети чаще всего держатся стаями). Ее трудно было отыскать под слоем грязи. Не девочка – сгусток из спутанных волос, пыли, копоты и нагара уличных жаровен. Нельзя было разобрать, что за лохмотья на ней одеты. Я пропустила колледж в тот день, отмывала ее от зловоний тупиков. Она стала лучшей нашей ученицей, «сверкающим табелем», как говорил папа. Мы полагали, что родители ее были беженцами со Шри-Ланки. В ее коже цвета финика, крупных чертах лица, курчавых волосах сквозила цейлонская кровь. Но Пылинка тоже ничего о себе не знала. Улицы стирали детям память.

Бисеринка ползала, привставала, опираясь на ноги девочек. Девочки скатывали шарики еды, клали ей в рот. Ее мы тоже брать не хотели. Мы устали, измучились с младенцами. Наши выросли, ходили в школу, умели сами одеваться, есть,

читать. Начинать все заново казалось самоубийством. «Тетя, я не могу вернуться с ней домой, – твердил исцарапанный мальчишка, – отчим меня побьет. Тетя, или забирайте ее, или я положу ее возле Бэя, как отчим сказал». Бабушка посмотрела одним глазом, взяла голого ребенка и отнесла в Башню. С ней оказалось легче, чем с другими. Девочки носили ее по очереди на бедрах, возились с ней. Она любила играть баночками из-под гуаши. Она пересекала комнату, как улитка, оставляя на полу влажный след.

Другие девочки, также взявшиеся из воздуха, ели, громко жевали, хихикали или смотрели в одну точку с набитым ртом. Шестые или седьмые дочери в своих семьях, они были подброшены или сданы нам очень бедными людьми.

Их несли люди берега, люди из прижатых к станциям кварталов с домами-сотами, люди из несуществующих теперь, разрушенных экскаваторами лачуг. Только однажды к Башне подъехала дорогая машина. Молодая женщина, в европейском льняном костюме с другой женщиной постарше, наверное, служанкой, вынесли ребенка. «Я не могу оставить ее у себя, у меня нет мужа, а она нелегальный ребенок. Мне сказали, ваш приют очень хороший приют для девочек». Служанка передала нам нарядного младенца, как блюдо с паясамом²¹, и они уехали. В тот же день кто-то перевел на счет приюта тридцать тысяч рупий. Переводы с неизвестного счета поступали раз в три месяца, потом оборвались.

²¹ Паясам – тамильский пудинг, консистенции густого киселя.

Внезапно, как и все, что случилось в Башне.

* * *

Эсхиту и Собару привезли к нам из другого детского дома. Это было плохое место, темное место без Бога. Каждую ночь туда приходили мужчины.

Собара плакала бесшумно, одними глазами. Я села с ней на матрасе. Она сказала:

– Я хочу отмыться, хочу, чтоб вода смыла мой грех. Сначала нам давали снотворное, мы просыпались с болью везде-везде, – и она провела руками по пухлым ногам и бедрам. – Потом нам перестали давать снотворное, и мы видели их лица, вот так, – она поднесла ладонь к прямому красивому носу, – как медленно возвращалось по утрам солнце!

– В этом нет твоего греха, – ответила я. – Вода смывает все, но ты давно уже чиста, никакой грязи на тебе не было.

Собара болела стыдом и не могла жить. Эсхита была другой. Она не горевала. В ее вытянутом вперед лице, во взгляде было что-то от циветты, что забрела на городскую окраину поохотиться на крыс, порыться в ящиках. Я очень старалась не замечать ее плотоядной мордочки, относиться к ней как к ребенку. Но не могла избавиться от мысли о беззаботной хищнице, которую инстинкты ведут черт знает куда.

Я чувствовала, что Эсхита сбежит. Она ссорила девочек, устраивала драки в спальне. Конечно, там было тесно, нелов-

ко. Вещи висели на прибитых к стене рейках, матрасы с утра сгребали в шаткую гору. Ни у кого не было своего угла. Все вместе: сон, уроки, игры. Но до Эсхиты девочки жили в мире, они берегли свое некрасивое убежище, как взрослые хозяйки.

С ней начались кровавые свалки, в ход пошли ножницы, навесные замки, палки. Девочки превратились в диких обезьян. Они грызлись зубами, драли друг другу волосы и одежду, хрипло кричали грязные оскорбления, которым научились в подворотнях. Среди этих слов самыми безобидными были: «бычья сперма», «жирная вагина», «грязь вокруг рта» и «твоя мать была плешивой собакой».

– Эсхита, ведь мы здесь одна семья. Разве плохо тебе у нас? Разве лучше было там, в твоём старом доме?

Я сразу пожалела, что сказала это. Она ответила так, будто старше и мудрей:

– У таких подкидышей, как я, не бывает дома. Но в том приюте мне нравилось. Мне нравилось, когда они приходили. Другие девчонки ревели и бились, как лягушки, одна я догадалась, что нужно быть ласковой. Все равно они приходят, нужно делать так, как они хотят. А что? На улице будет хуже, еще и без еды. Меня любили, все просили только меня. Один человек подарил мне золотой браслет. Никто не любил меня никогда, а они любили, обнимали меня. Да, некоторые были старые, а были и совсем молодые с красивыми лицами. Разные. От меня все уходили довольными.

Я сидела на полу с Эсхитой, которая была младше меня почти на семь лет, и не представляла, что говорить. Я не знала того, что знает она, о мужчинах тем более. Что они любят и почему могут подарить золотой браслет с маленькой луной, который Эсхита крутила на запястье? Кровь прилила к моему лицу. Мне хотелось расспросить о большем, как будто передо мной не ребенок, а сам дьявол.

В женской школе Святого Рафаэля, куда записала меня мама, не было ни единого мальчика, и в колледже искусств мальчики по-прежнему оставались инопланетянами. После занятий я спешила на станцию, чтоб скорей приехать домой и помогать бабушке с ужином, девочкам – с их домашним заданием. Я знала, что мне нужно гладить гору блузок, стирать гольфы, чтобы девочки пошли в них в школу. В колледже я так и не сблизилась ни с кем, хотя меня не сторонились и звали. Просто мир однокурсников с их гоанским трансом, архаусным кино, курением и мой мир с молитвами Деве Света, хлопотами вокруг сирот были далеки, как Земля и Нептун. Они даже разговаривали иначе, и я, воспитанная бабушкой, чувствовала себя героиней фильмов шестидесятых.

Эсхите я сказала тогда:

– Иди, Эсхита, делай свои уроки. Тебе нужно теперь учиться.

– Уроки мне не пригодятся, – грубо ответила она, и в ее глазах вспыхнуло что-то страшное. – Пусть я не такая красивая и умная, как вы, леди Грейс, но я знаю кое-что получ-

ше ваших уроков.

– Ты еще маленькая, Эсхита, – сказала я, – вас учили нехорошему в том доме.

– Нет, леди Грейс, – сказала она, – я маленькой никогда не была.

* * *

На нас упала черная тень того приюта. Ни один пайс не поступил из фондов. «Мы получили информацию, что приюты в вашем городе предлагают ребенку не лучшее, чем ужасы, которые он испытывает на улице. Мы отказываемся поддерживать незаконную деятельность в отношении детей».

Я и папа ходили в самые разные кабинеты. В тесные комнаты с зарешеченными окнами или без окон вовсе; с коврами на полу; со стенами, обшарпанными настолько, что через них просвечивала улица. Кабинеты пахли влажной бумагой, ланчами, карри, затхлостью, туалетами. Был один кабинет с запахом ягод. В каждом воздух был пропитан тысячелетней властью. У меня кружилось в голове от нашего ничтожества перед ней.

Там говорили, будто печатали слова на клавиатуре:

– Мы не выделяем поддержку до получения результатов официальных проверок.

Кто-то согласился проверить наш приют:

– Ваш дом ветхий, условия для детей не подходящие.

Это было правдой. От Башни ветер с Бэя отрывал и уносил вдаль куски, но ведь тысячи детей жили на дорогах, а Башня была домом.

Мы бродили среди стен, чтоб взять заключение. Никому не было дела до частного приюта. Наши нищие подарки вызывали у чиновников скуку.

– Сэр, вы же сами взяли сирот.

Они предполагали, что у нас есть деньги, а у нас были только старый папин мопед и несколько комнат в старом доме, заложенных банку.

Для них приют был чересчур мал:

– Мы должны помочь для начала учреждениям, где живут сотни детей.

– У вас даже нет квалифицированных сотрудников, на что вы тратите?

Люди в кабинетах и не обязаны были помогать. Папа и бабушка сами не смогли прогнать на улицу четырех девочек, дочерей погибших рыбаков, которые, перепуганные, забрели в Башню из разбитой волнами трущобы. Они плакали так горько, что казалось, мир разрушился не от стихии, а от их отчаяния.

Я была таким же маленьким существом, но запомнила, как папа ходил получать разрешения, как по ночам он читал «Юридическое руководство для христианских служб», подчеркивал слова в законе об иностранных взносах. Я не спала, стояла с ним, и он меня не прогонял. Страницы шелестели,

папино сердце колотилось, как провода о стены Башни.

Он пробирался с копьем древнего воина через дебри законов и букв, а я толкала его маленькими ручками. Каждый шаг обсуждали с бабушкой так, что в моей голове до сих пор крутятся имена некоторых чиновников: достопочтенный Тиру Эдаппади Паланисвами, достопочтенный Амрешвар Пратап Сахи. Я помню, что папа однажды забрал и не вернул мамины золотые браслеты. После длинных ночей, закопанных в бумаги, приют считался открытым. И хотя путь был длинным и благородным со стороны, это не мы спасали девочек. Девочки спасали нас от темноты маминого ухода.

* * *

Мы росли вместе. В одинаковой выцветшей форме с чужого плеча ходили в школу. Родовались дешевым сумкам и карандашам с Понди базара. У нас не было денег на развлечения, на кино, но город был нашим огромным кинотеатром.

Все, кто жил тогда в Мадрасе, выучили слова и номер, записанные на любой стене, на каждой электрической коробке, ставнях магазинов: «Пи Джеймс, магическое шоу, тел. 9841072571».

– Пи Джеймс – демон, – говорили мы.

– Он ходит в длинном камисе, на котором скопилась пыль за сто лет, и со старой полудохлой змеей на плече.

– Этот парень тратит на шоу времени меньше, чем на вы-

царапывание своего имени повсюду.

– Просто он владеет магией, буквы сами пишутся по ночам. Посмотри, вчера еще здесь было пусто. – Возле окна мясной лавки свежей краской был выведен номер 9841072571.

Мы хотели позвонить, но у нас не хватало духу. И я до сих пор так не узнала никого, кто бы ходил на шоу Пи Джеймса.

В каждом рикше мы видели серийного убийцу Гаури Шанкара, «Ото Шанкар», как звали его в Мадрасе. Мы сбивались стайкой, если кто-то, обгоняя повозки с волами, предлагал подбросить нас до школы.

Мы, как все мадрасские подростки, захлеб обсуждали призраков молодых женщин, которые кружатся по вечерам вокруг разбитого моста в устье Адьяра:

– На этот мост приходят покончить с жизнью несчастные любовницы.

Мы говорили о привидениях португальского торговца, его безумной жены и маленького сына из дома в колонии Де Монте.

– Там всегда пропадают бродячие собаки!

– И люди, и беспризорные дети!

– Ночью в нечетные часы окна дома открываются.

Мы обсуждали самое большое в мире дерево баньяна в садах Теософского общества, чьи ветви шевелились от колдовства, призраков подворотен и древних дравидийских сказок. Мир духов был частью нашего мира. В нем жили наши

матери, потому мы всегда стремились приблизить его.

Мы были сестрами, но я знала, что я другая, я обязана заботиться о девочках. Об этом твердили мне папа и бабушка. Я была другая и в мыслях: запах старых колониальных библиотек и сумрачные залы государственного музея сводили меня с ума. Я откладывала по пайсу сдачу с покупки молока и муки. Откладывала, чтобы купить подержанные книги: «Шедевры индийского искусства» доктора Панде и ее же «Китайскую эротику» (я прятала ее между кроватью и стеной), «Живопись Бароды» Мохаммеда Шейха, «Женщины-художники Индии», «Миниатюры великих Моголов» и другие святыни, что скрывались в щелях лавок. Меня трясло от жадности к этим книгам. Каждая черта в залах античного искусства вызывала во мне вожделение первобытной женщины. Девочкам же все это было скучно.

Мне хотелось с кем-то говорить о терзающей меня тяге. Но папа работал на нескольких работах, бабушка была слишком занята домом. Я оставалась одиноким ребенком в городе магического шоу, на котором никто никогда не бывал.

* * *

Я знаю, как бывает: сначала дети ничего не понимают; потом они ходят в школу, видят там домашних детей, верят в чудо, в возвращение матери, в удочерение. Лет в двенадцать-тринадцать надежда стекает с лиц. Они бродят в смоге

печали. Я такая же, как они, мне известно, каково это, когда тебя не ищет собственная мать.

Потом рождается новая вера: в семью, которую они создадут сами. Девочки, стыдясь, шептали мне: «Что будет потом, после школы? Страшно! Если бы была любовь, муж, было бы не страшно».

Те девочки, с кем мы болтали о Пи Джеймсе, стали матерями. Мы нашли им мужей, хотя это было непросто в городе, где твой клан важнее, чем ты сам. Они давно уехали, только я, казалось, навечно приписана к Башне.

У тех, с кем я училась в колледже, уже шли персональные выставки, и даже не одна. Лишь я торчала на кухне, писала письма в организации, богачам, даже актерам на другую сторону субконтинента. Знания книг по искусству, которым я заболела подростком, тлели в моей голове.

Я вела страничку, где рассказывала о каждой из наших девочек в надежде, что они обретут семью. Но по поводу удочерения никто никогда не звонил, будто номер наш заколдован. Часто я хотела писать его на заборах и деревьях, как Пи Джеймс.

В те последние месяцы в Башне мы ели еду бедных. Папа говорил о закрытии приюта. Я думала, куда пойдут мои девочки?

Странно, сначала, когда кто-нибудь из них появлялся, я не любила. Некоторые даже были противны. Но шло время, и незаметно для себя я начинала любить их так, что чувство-

вала кровь внутри сердца.

* * *

Стена у балкона осыпалась, пыль летела на дорогу, в потоки рикш. Старшие мыли железные тарелки от остатков завтрака. Я разливала воду в пластиковые бутылки, чтобы дать им с собой в школу.

Потом мы шли в детскую комнату по лестнице. Мы никогда не вместились в старый лифт, да он бы и не привез нас куда нужно. На лестнице капал конденсат, бродило эхо. Некоторые квартиры стояли крест-накрест заклеенные запретной лентой. Из-под дверей ползла пыльная темнота. И шорохи тех, других жильцов.

В комнате девочек были только матрасы, которые они скачивали и укладывали громадной горой у стены. Мы одедали малышей и заплетали им волосы. Мы любили, чтоб они ходили с красивыми косами. Голубые форменные юбки давно стали серыми от тысяч стирок. Форму у нас донашивали друг за другом. Чарита всегда отглаживала ее, будто костюм английской королевы, незаметно латала дырки.

Девочки шумели, их было слишком много для той тесной комнаты. Но взгляда единственного бабушкиного глаза хватало для поддержания порядка.

– Что ты делаешь, Пылинка?

– Я собираю в банку солнечный свет и понесу его в школу.

– Еще чего не хватало!

– Солнечным светом ты ослепишь учителя, – ласково говорила я.

Лучик бережно собирала тетрадки и расклеенные учебники из моего детства. Я замечала, как округлилось ее лицо, с тех пор как она оказалась у нас, худая, будто прут, измученная работой. Лучик смотрела доверчиво глазами мангуста. Она умела говорить только глазами. Радовалась и гордилась тем, что идет в школу. Я сама заплетала ей две косы и подвязывала их в кольца над ушами. Про себя я представляла, что она моя дочь. Я скрывала от других, что люблю ее больше всех.

– Сотри помаду, Эсхита, – сказала я. – Посмотри, я такая же, как вы, но почему я должна говорить вам то, что и так понятно?

Эсхита не обращала внимания и подводила черным каджом²² глаза, глядя в круглое зеркало без оправы.

– Мне ничего не понятно, я жила по другим правилам и забирать меня не просила.

– Подержи. – Бабушка передала толстую рассыпающуюся косу Песчинки, которую плела, и спокойно пошла к Эсхите. Крепко зажала ей голову одной рукой и, плюнув на другую, стерла краску.

– Вы мне никто! Вы мне не родственники, – выдернулась и зарычала Эсхита. – Я жила без вас, без вашей церкви, без

²² Каджол – подводка для глаз.

ваших обслюнявленных остатков, которые никто не возьмет в рот.

– Идите в школу. – Бабушка махнула в воздух рукой, словно отгоняя пыль. – Благослови вас Господь.

Я осторожно повела Зернышко вместе с ее темнотой обратно в гостиную, чтоб включить ей уроки. Чарита отнесла Бисеринку на руках, рассыпала перед ней пустые баночки. Сколько месяцев было этому ребенку? Мы не могли понять. Она весила как новорожденная и не росла. «У нее черви в желудке, – говорила Чарита, – они и съедают всю ее еду». Чарита давала ей молоко в бутылочке, Бисеринка вяло пила. Это могло занимать целый день, она роняла и поднимала бутылку, распыскивая вокруг себя липкие капли, вытирала их об себя, о старую кофту.

«Многим детям в семьях бедных матери в молоко капают спирт, чтоб те спали, пока матери работают, – говорила Чарита. – Матери не догадываются, что ум детей от этого глупеет».

Мы знали, что дети часто такие. Обезвоженные, сморщенные, как черепахи, они должны были умереть, но живут. Живут, прорастая травой из сухой, покрытой мусором почвы.

Мы с бабушкой смотрели с балкона, как девочки высыпают из Башни. Зернышко стояла с нами, поворачивала голову в другую сторону, искала лицом ветер.

Эсхита внизу тут же расплела волосы и достала помаду.

– Девадаси²³, – сказала бабушка, – испорченное дитя.

Наших девочек подхватывал поток улицы. Школьников везли автобусами и кебами, на мопедах – тесно, по нескольку детей сразу в рикшах, на велосипедах, вели за руки и несли на руках. Дети в роскошных автомобилях, малыши из трущоб в такой же поношенной форме, как у наших сирот (и у меня была такая); подростки с лицами, присыпанными пудрой, юные девушки с жасмином в прическах; мусульмане, индуисты, христиане и сикхи ступали в едином потоке утра. Когда улица пустела, из всех школ раздавались чистые голоса, дети пели гимн «Душа народа»:

*– Я кланяюсь Тебе, о Мать, полноводная, плодородная,
Овеваемая прохладными южными ветрами,
Темная от обилия хлебов,
Ночи наполняют сердце радостью в сиянии лунного
света,
Земли прекрасны в убранстве цветущих деревьев,
Смех прекрасен, и прекрасна речь²⁴.*

²³ Девадаси – храмовые танцовщицы; в некоторых храмах вступали в связь с прихожанами из высших каст.

²⁴ «Душа народа» – гимн Индии, «Джанаганамана», написанный Рабиндранатом Тагором.

Джали

Локти касались друг друга за длинными столами. Мы включили компьютеры, сели и стали ждать наш чай. Звонки еще не начались. Мы шептались, чтоб мужчины не слышали. Так вот, коллега по секрету сказала, что у нее будет еще один ребенок. Срок уже четыре месяца, под свободной куртой²⁵, конечно, не видно. Ее даже не тошнит, чувствует она себя прекрасно, как дерево в цвету. Я слушала ее с завистью. Говорить ничего не хотелось, чтобы она этого не заметила, я пошла просить горничную принести сладостей.

– Тебе теперь придется кушать за двоих, – сказала я. – Сейчас принесут вкусные кусочки для твоего малыша.

От притворной улыбки у меня рот заболел. Я боялась, что заплачу: так сильно мне тоже хотелось ребенка. Я разлилась на Винкей: он ничего не понимает, что ли!

Когда я спустилась, то увидела – конторская горничная заходит через черные двери. А ведь рабочее время давно началось.

В других фирмах служат офис-бои, а у нас вот женщина. Она разносит обеды, которые передают из дома, чай и воду. Она отправляет почту, прибирает наши столы. Ее имени я никогда не знала.

Я спускалась по лестнице, когда откуда-то выскочил наш

²⁵ Курта – свободная длинная блузка.

начальник Серое Сукно. Он как толкнет бедняжку в плечо. Я ахнула от испуга и отошла за угол, я слышала, как он говорит раздраженным голосом:

– Утро должно начинаться с горячего чая. Одно дело ты делаешь с утра, и того не можешь. Скажи, для чего компании такая глупая работница?

– Простите, сэр, простите меня. Мой сын заболел, я опоздала на автобус.

– Сиди тогда дома, и нечего работать. Вы, далиты, захлебнулись в льготах и хотите только на кровати лежать.

Наша горничная всегда хорошо работала. Она побежала кипятить чай. Когда разносила стаканы, руки ее дрожали. Я сама принесла сладостей в кабинет.

Я знала, такие случаи бывают то тут, то там. Офис-бой подаст вместо синей ручки черную, принесет папку с прошлогодними счетами, не помоеет стол от липкого кофе – так начинаются крики. В Калькутте избили одного офисного мальчика, в газетах писали. Сейчас это нельзя.

Наша горничная обычно приходит раньше всех и уходит последней, чтоб запереть кабинеты на ключ. А если подумать, человек, который задержался, мог бы и сам закрыть двери. Она ждет и ничего не говорит, хотя в пригороде у нее, наверное, большая семья. Днем она моет посуду, подает чай много раз (все только и хотят чаю), моет пол, стены, столы. Но я никогда не думала о ней до того утра.

В семь часов, когда я уходила, то видела, как она сидит

на полу в кухне и плачет. Никто не вступился за нее. Мне стало нехорошо, что я тоже промолчала. А что? Я дорожу работой. Слишком много людей здесь, в Бангалоре, и новые люди едут и едут сюда. Никто не хочет потерять работу. И горничные, и мы, девочки из колл-центра, и экономисты из других кабинетов. Даже беременная Деви вряд ли долго засидится дома после рождения ее ребенка. Нам всем нужна эта работа. Стоит ошибиться, так на наши места люди посыплются как песок.

Вечером я возвращалась на поезде домой и думала: «Мы совсем не замечаем армию невидимых людей, которые так стараются для нас». Я посмотрела на человека, который сидел на полу у двери в вагон. На его шее висела гирлянда из непроданных пластмассовых светящихся игрушек. «Возвращается в пригород ни с чем», – вздохнула я.

Дома было скучно без Сашу. Тихо оттого, что дети не бегают по лестнице и не галдят у крыльца. Винкей ушел в магазин пива. Теперь, когда его мама уехала, он постоянно туда ходил выпить с друзьями. Зачем они пьют, этого я не могу понимать. Правда, Винкей пьет немного, он не становится пьяным, но все равно я не люблю эти дела.

Его сестра позвала меня смотреть сериал. Я решила: зачем готовить и строить из себя правильную жену? Я радовалась, что за мной не следят глаза свекрови и можно ничего не делать. Но потом мне самой захотелось покушать.

Лейте тесто на разогретую сковородку, распределите его хорошенько, а сверху постучите ложкой. Если подгорает – сбрызните маслом. Пока доса жарится, я вам расскажу, как урегулировать дела большой семьи в маленьком доме.

До свадьбы я жила в тишине с мамой, бабушкой и сестрой. У нас было две комнаты, да еще закуток без окон. Бабушка любил отдыхать на крыше или сидеть на лестнице. Сестре нашли мужа в Джаянагаре, на юге города. Папа ушел. Мама меняла цветочные гирлянды у его черно-белой фотографии, потом шила и вязала на полу, иногда тихо переговариваясь с папой. Готовые вещи мама продавала на рынке. Я привыкла быть одна, смотреть телевизор. Я любила смотреть фильмы, которые захочу.

Вот я шагнула через наш переулок и оказалась в другом мире. Я вышла замуж за двенадцать человек из дома Винкей.

Раньше я была одна, и моя мама не давала мне много советов. Ей понятно было – мы с сестрой знаем, что нам делать в нашей жизни. Мы окончили колледж, и мы умеем готовить, мы знаем, как обращаться с детьми. К тому же после смерти папы она стала молчаливой, разговаривая больше с ним мысленно и изредка вслух:

– Пойду на рынок и продам вещи, куплю твою любимую рыбу, – говорила она фотографии.

В доме Винкей на меня обрушился водопад вопросов и советов.

Купишь сумку или серьги на рынке Маллешварама, так свекровь и сестры Винкей набегут:

– Слишком невыгодная сделка.

– Ты дорого отдала, заплатила пять монет за рисовую воду.

– Зачем едешь в Маллешварам? Там покупают брамины. А какие цены из-за этого? Ты хотя бы подумай!

– Можно ходить на базар Шрирампура и не тратиться на рикшу. У тебя большой кошелек?

Не только они, но и вся тамильская родня давали мне советы по телефону. Тетушки и кузены из Ченная, троюродные бабушки из Пондичерри засыпали меня рецептами для беременных. Хотя беременной я не была. За этим потоком людей, жужжанием их голосов я едва видела и слышала Винкей.

Муж его старшей сестры считал, что у женщин от природы маленький мозг, и был уверен, что детям не передаются гены матери. Он при мне говорил с Винкей так, будто я всего лишь сосуд для вынашивания младенца их семьи. Он приходил каждый день, садился на нашей кровати и рассуждал, будто меня нет в комнате:

– Пусть она поест бананов, чечевицы и картофеля, чтоб зачать сына.

– Нужно снять со стены Мариаманн и повесить Ханума-

на²⁶.

– Следи, чтоб она не пила ни молоко, ни йогурт, даже мороженое повредит делу.

– Когда останешься с ней, попей сначала кофе – семя, что несет мальчиков, станет быстрым.

Этот человек, похоже, ничего не слышал о хромосомах. Хоть на голове пройди через весь переулок, если отец не дает нужную хромосому, так нечего и думать о мальчике. Хотя я все равно очень надеялась тогда, на всякий случай варила картофель и покупала бананы.

* * *

Я чувствовала, что теряю себя среди всех этих людей, а мужа, в которого влюбилась с первого взгляда, так и не нахожу. Поговорить с мамой или сестрой я не могла, они бы сказали, что любовный брак сразу не предвещал ничего хорошего.

Когда прошел месяц со свадьбы, меня засыпали вопросами:

– Когда же мы услышим хорошую новость?

– Не хочешь нам ничего рассказать?

– Может, тебе уже пора кое в чем признаться?

«Они совсем глупые и не понимают?» – думала я. Мы хоть

²⁶ Имена богов в индуизме.

и ночевали на одной кровати, но от стыда даже за руку не держались. До самой поздней ночи двери нашей комнаты были открыты в улицу. До самой поздней ночи свекровь просиживала у нас на стуле или на крылечке, с которого и начиналась комната. Дядюшки и тетушки ходили что-нибудь взять в холодильнике. Какие новости могла я им предоставить, если я сидела на кровати, дожидаясь, когда они все уйдут?

Когда они засыпали глубокой ночью, я переодевалась в туалете и ложилась на самом краю. Винкей к тому времени уже крепко спал. Он-то спокойно мог спать при маме и сестрах. А как бы я улеглась на глазах свекрови? Она бы тогда обсуждала с соседями, что я ленивая.

Спустя месяц мы с мужем стали привыкать друг к другу. По ночам мы разговаривали шепотом, чтоб никто не услышал:

– Почему вся твоя семья рожает нашего ребенка? Мне всего-то двадцать три. Каждый разговор о детях и о детях. Это действует на мои нервы, – говорила я едва слышно.

– Успокойся, детка, – шептал Винкей. – Я знаю, что этот вопрос тебя злит. Они так спрашивают из-за меня, они обо мне переживают, а вовсе не хотят тебя обидеть.

Эти слова меня еще больше расстроили. После месяца брака мы оба все еще не знали друг друга. Но с тех пор Винкей начал как бы невзначай касаться моей руки, чаще заходил на кухню, если я случайно оставалась там одна, чтоб сделать свекрови ее любимый кофе: черный с пенкой. Вся его

семья продолжала ходить за нами по пятам со своим назойливым вопросом, подсовывать мне бананы и забирать от меня молоко.

Однажды мы все сидели и смотрели старую кассету с тамильским фильмом. В фильмах Колливуда всегда такие громкие барабаны, и ни слова не поймешь: вместо ха – па, вместо ке – че. Но кое-где было смешно. Потом я заметила, что Винкей совсем не смотрит, а подает мне какие-то знаки. Я пригляделась, а он показывает глазами: «Иди вниз, иди вниз».

Я потихонечку спустилась будто бы в туалет, а сама стояла возле лестницы. Через десять минут долгого ожидания он тоже спустился. Мы стали целоваться как безумные. Было так сладко! Винкей закрыл дверь на улицу, и мы пошли на нашу кровать. Мы легли и как дикие обнимались, гладили друг друга. Вдруг я услышала, что его сестра идет, ей хватило ума запеть тамильскую песню из того кино:

– Канаве, канаве, визшил нигаши ниджаме.

Мы вскочили, поправили одежду. Винкей сделал вид, что роется в холодильнике, а я от стыда ушла на улицу и стала мыть ноги под краном.

Не знаю, как люди в тесных лачугах умудряются производить детей десятками. Мы не справлялись даже в доме.

А как было в прежние времена! Особенно в муссоны, когда вся семья оказывалась в одной комнате. Впрочем, раньше люди работали в поле и в саду. А куда ты уйдешь в Ра-

джаджинагаре, где повсюду соседи и даже в туалете слышны их голоса?

Моя мама молчалива, но мудра. В один из дней она подошла ко мне на улице и сказала:

– Завтра я поведу дедушку к врачу. – И ушла.

Я взяла ключ, который всегда у нас лежит под ковриком у входа. Я сказала Винкей:

– Берег чист.

За тот час, что мама с дедушкой ходили в госпиталь на соседнюю улицу, мы успели зачать нашего Сашу.

* * *

Да, мне было так одиноко в этой тамильской семье, хотя я была окружена людьми. Я словно не могла быть собой, боялась, что обо мне подумают, что скажут, не решат ли, что я недостаточно хороша для Винкей. Первое время я больше молчала, что бы ни обсуждали: от блюда на ужин до телевизионного канала. В те дни мне казалось, что девушка во мне умирает.

Все изменилось, когда мою беременность было уже не скрыть, и приметы говорили о том, что это мальчик.

– Твой живот треугольный, Джали, хороший знак.

– Твое лицо стало совсем темным, значит, в животе у тебя завелся сын.

– У тебя соски стали черными? – спрашивали шепотом

сестры Винкей.

Я кивала, и они одобрительно качали головами:

– Все приметы говорят, что это племянник!

Стоило мне поесть сладостей, все ликовали – сладкое хотят только будущие мамы сыновей.

– Где у моего внука голова? – спрашивала свекровь.

Я говорила, что, кажется, слева.

– У Винкей будет сын, – сообщала она соседям.

– У тебя живот болит или спина? – узнавали женщины нашего переулка.

– Мне кажется, что и живот, и спина.

– Бог благословил вас внуком, тетушка, – сообщали свекрови соседки.

В семье все стали кормить меня, спрашивать, какую передачу я бы хотела посмотреть. К нам в комнату принесли новый вентилятор, который прежде стоял у старшей сестры и ее мужа. Я боялась, что будет, если знаки окажутся ложными и мой ребенок вовсе не сын. Каждый день я осматривала живот в душе. Снимала маленькое зеркало с гвоздя, подносила со всех сторон. Четкая линия волос, что росла до пупка, говорила, что беспокоиться не о чем.

Приметы не обманули, накануне Дивали я стала матерью сына. С тех пор я уже делала в доме что хочу и когда хочу.

Скоро я привыкла к тому, что люди в доме с надписью «Шалом» не чужие, а «наши» или «мои». Я перестала ждать от них чего-то особенного, ведь они, как и я, просто жили

здесь. Со временем мы стали больше смеяться и разговаривать. Я стала давать им уважение и любовь, они стали отдавать уважение и любовь мне.

Васундхара

Когда живешь с безумцем, сама становишься безумна. Мой муж уходит, а я остаюсь в темном доме, чтобы переписывать его книгу о чистоте людей нашей общины. Эта книга о превосходстве браминов хойсала не только над другими кастами, но и иными браминами. В его учении хойсала величественней тамильских браминов лейяров и ленгаров, керальских браминов намбудури, браминов Махараштры – кланов дешаст, читпаванов, пешв. Среди браминов хойсала он выделяет шривайншваров и смартаров как хранителей священной чистоты. Он пишет, что хойсала вишиштаадвайта испортили себя другими языками – тамильским и телугу, хотя это такие же дравидийские языки, как и каннада, на котором говорим мы. Он пишет, что мадхвами с севера Карнатаки чересчур напитались культурой маратхов, чтоб претендовать на право быть чистыми хойсала. Те хойсала, что селились на юго-западе, обесчестили себя гоанским языком конкани и порочными прибрежными манерами. В его книге только брамины центра сохранили незапятнанную культуру.

Он доказывает величие и божественность хойсала. Министры, вожди, философы, учителя, создатели трактатов о музыке, писатели, актеры и даже игроки в крикет из хойсала являются «величайшим живым светилом общества».

Демоны пишут эту книгу умом моего мужа: «Неприкаса-

емые должны оставаться на своем месте и выполнять приказы чистых людей. Недопустимо, чтоб загрязненные люди селились в местах, где живут люди, соблюдающие чистоту».

Я переписываю его черновики. Хоть я тоже из семьи хойсала, его книга не тешит меня, я чувствую горечь. «Необходимо расчистить общество, прекратить пагубное смешение на основе бездумной похоти. Те, кто призван служить чистым кастам и не способен в силу природной ограниченности на созидание высокого, должны продолжить служение тем, кто веками хранил культуру, во имя ее расцвета». Подобное писали кровавые диктаторы, и даже я знаю, что эти идеи мертвы. Только мой муж, безумец, заново открывает их для себя и желает доказать миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.